

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 7 № 1 2025

VOL. 7 No. 1 2025

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)
languagestudies.ru
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1>
2025. Том 7, № 1
2025. Vol. 7, no. 1

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Регистрационный номер СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдан Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 3 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

3 issues per year

16+

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

А. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitrij O. Dobrovol'skij (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 2,45 Мб

Подписано к использованию 30.07.2025

Published at 30.07.2025

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Исследования языка и современное
гуманитарное знание» и на авторов материала
обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the journal "Language Studies
and Modern Humanities" and the author(s) of the material
in question.

Редактор М. С. Огуренкова
Корректор Г. А. Янковская
Оформление обложки О. В. Рудневой
Верстка Д. В. Романовой

Санкт-Петербург, 2025

© Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	4
Лингвистика и междисциплинарные исследования языка	6
Березина О. А., Дикая Ю. Д. Функциональный потенциал грамматической вариативности в утвердительном простом предложении (на материале англоязычных художественных произведений 1999–2015 гг.)	6
Косаковский С. В., Белоглазова Е. В. Своеобразие категории автора как текстовая доминанта жанра дидактического подкаста.	19
Фокина М. С. Конвенции речевого поведения в англоязычных лингвистических играх	27
Перевод и переводоведение	37
Разумовская В. А. «Сильные» музыкальные тексты: обретение первичности (от «Кармен» П. Мериме до «Кармен» Ж. Бизе и далее)	37
Обзоры. Рецензии. Персоналии	45
Жаркынбекова Ш. К., Агманова А. Е., Сулькарнаева А. Р. Река времени: идеи Э. Д. Сулейменовой в потоке лингвистической мысли (к юбилею дорогого Учителя) ...	45
Никитина Л. К. Обзор арт-педагогических практик в контексте интегрированного обучения иностранным языкам	54

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-Chief	4
Linguistics and applied aspects of language studies	6
<i>Berezina O. A., Dikaya Yu. D.</i> Functional potential of grammatical variability in a declarative simple sentence (in English fiction of 1999–2015)	6
<i>Kosakovsky S. V., Beloglazova E. V.</i> Category of the author as the central piece of the didactic podcast genre profile	19
<i>Fokina M. S.</i> Conventions of speech behavior in English language games	27
Practice and theory of translation and interpreting	37
<i>Razumovskaya V. A.</i> “Strong” musical texts: Gaining primacy (from “Carmen” by P. Mérimée to “Carmen” by J. Bizet and beyond)	37
Reports, reviews, personalities	45
<i>Zharkynbekova Sh. K., Agmanova A. Ye., Sulkarnayeva A. R.</i> The River of Time: E. D. Suleimenova’s ideas in the flow of linguistic thought (devoted to the anniversary of our dear Teacher)	45
<i>Nikitina L. K.</i> Review of art-pedagogical practices in the context of integrative methods of teaching of foreign languages	54

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Очередной выпуск журнала «Исследования языка и современное гуманитарное знание» представляет вашему вниманию актуальные исследования в области лингвистики, переводоведения и методики обучения иностранным языкам. В этом номере собраны работы, посвященные как теоретическим, так и практическим аспектам исследования языка.

Статья О. А. Березиной и Ю. Д. Дикой «Функциональный потенциал грамматической вариативности в утвердительном простом предложении (на материале англоязычных художественных произведений 1999–2015 гг.)» посвящена исследованию грамматической вариативности с позиций функционально-семантического подхода. Автор анализирует семантические, прагматические и стилистические импликации, возникающие при трансформации минимальной структурной схемы простого предложения. На материале современных англоязычных текстов показано, как структурные изменения влияют на индивидуально-авторский стиль. Работа расширяет традиционные грамматические исследования, интегрируя семантический, прагматический и стилистический анализ.

Авторы статьи «Своеобразие категории автора как текстовая доминанта жанра дидактического подкаста» С. В. Косаковский и Е. В. Белоглазова рассматривают инновационный жанр дидактического подкаста, возникший на стыке медиадискурса, дидактического и научного дискурсов. Основное внимание уделяется категории автора как ключевой текстовой доминанте. Авторы выделяют пять основных маркеров этой категории, включающих как типовые, так и жанрово-специфические средства. Исследование вносит значительный вклад в дискуссию о текстовых категориях, демонстрируя их вариативность в новом гибридном жанре.

В статье «Конвенции речевого поведения в англоязычных лингвистических играх» (автор М. С. Фокина) анализируется речевое поведение носителей языка в коммуникативных лингвистических играх, где традиционные принципы кооперации, информированности и вежливости подвергаются специфическим искажениям. Автор выявляет обратную зависимость между этими параметрами и рассматривает такие особенности игр, как апелляция к фольклорным традициям, стратегии негативной вежливости и смещение критериев истинности. Исследование показывает, как лингвистические игры способствуют развитию метаязыковой рефлексии, раскрывая свойства знаковых систем и речевой деятельности.

Автор статьи «“Сильные” музыкальные тексты: обретение первичности (от “Кармен” П. Мери́ме до “Кармен” Ж. Бизе и далее)» В. А. Разумовская обращает внимание на межсемиотические трансформации «сильных» текстов — произведений, обладающих высокой культурной ценностью. На примере новеллы П. Мери́ме «Кармен» и одноименной оперы Ж. Бизе автор исследует феномен «переводной множественности», когда оригинал порождает множество вторичных версий в разных семиотических системах. В работе вводятся новые категории художественного переводоведения «неисчерпаемость оригинала» и «межсемиотическая аттракция», актуальные для изучения культурных гипертекстов.

В раздел «Обзоры. Рецензии. Персоналии» вошли две статьи:

«Река времени: идеи Э. Д. Сулейменовой в потоке лингвистической мысли (к юбилею дорогого Учителя)» (авторы Ш. К. Жаркынбекова, А. Е. Агманова, А. Р. Сулькарнаева). Статья представляет собой обзор научного творчества Э. Д. Сулейменовой — выдающегося казахстанского филолога, автора монографий по актуальным проблемам общего языкознания, социолингвистики и контрастивной лингвистики. Авторы анализируют влияние идей Э. Д. Сулейменовой на современные гуманитарные исследования, подчеркивая актуальность ее научной школы для изучения межкультурной коммуникации и языковой политики страны;

«Обзор арт-педагогических практик в контексте интегрированного обучения иностранным языкам» (автор Л. К. Никитина). В статье рассматриваются инновационные методы интегрированного обучения иностранным языкам с использованием арт-педагогических приемов. Автор описывает успешные кейсы применения арт-технологий (минибукинг, оригами, арт-дизайн),

демонстрируя их роль в развитии когнитивных и коммуникативных навыков учащихся. Материал статьи будет полезен преподавателям, методистам и всем, кто интересуется современными подходами к языковому образованию.

Настоящий выпуск журнала отражает современные тенденции в лингвистике, переводоведении и методике обучения иностранным языкам. Представленные исследования сочетают теоретическую глубину с практической значимостью, что делает их интересными как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

*С уважением,
Валерия Анатольевна Андреева,
главный редактор*

УДК 811.111

EDN OQASXZ

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-6-18>

Функциональный потенциал грамматической вариативности в утвердительном простом предложении (на материале англоязычных художественных произведений 1999–2015 гг.)*

О. А. Березина ¹, Ю. Д. Дикая¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Ольга Александровна Березина,
SPIN-код: 6704-4227, ORCID:
0000-0002-2604-8702, e-mail:
berezinaolga@gmail.com

Дикая Юлия Дмитриевна, e-mail:
yulia.dikaya@mail.ru

Для цитирования:

Березина, О. А., Дикая, Ю. Д.
(2025) Функциональный потенциал
грамматической вариативности
в утвердительном простом
предложении (на материале
англоязычных художественных
произведений 1999–2015 гг.).
*Исследования языка и современное
гуманитарное знание*, т. 7, № 1,
с. 6–18. [https://doi.org/
10.33910/2686-830X-2025-7-1-6-18](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-6-18)
EDN OQASXZ

Получена 25 марта 2025; прошла
рецензирование 12 мая 2025;
принята 12 мая 2025.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © О. А. Березина,
Ю. Д. Дикая (2025). Опубликовано
Российским государственным
педагогическим университетом
им. А. И. Герцена. Открытый
доступ на условиях [лицензии
CC BY-NC 4.0](#).

Аннотация: Явление грамматической вариативности достаточно изучено в лингвистических исследованиях. Более того, оно получило описание в учебных пособиях и теоретических грамматиках различных языков. Однако следует заметить, что исследований в русле функционально-семантического подхода с описанием тех импликаций, которые порождаются при модификации структурной модели предложения, до сих пор не очень много. При выявлении сущности грамматической вариативности и описании путей модификации «ядерной» модели предложения также встает вопрос о структурном минимуме конstituентов при выявлении репертуара базовых (элементарных) типов структур. В данной статье предпринимается попытка описать семантические, прагматические, стилистические импликации, индуцируемые теми трансформациями минимальной структурной схемы (модели) простого предложения, которые уже получали описание в грамматических теориях. Актуальность представленной статьи видится в выходе авторов за границы парадигмальных рамок (грамматика) и привлечении различных аспектов языкового функционирования. Исследование выполнено на материале трех современных произведений англоязычной прозы (A Darker Shade of Magic, V. E. Schwab, 2015 г.; Hannibal, T. Harris. 1999 г.; Capital, J. Lanchester, 2013 г.), редко попадавших в фокус исследовательского интереса, что также определяет новизну и предлагает перспективы (в частности, различные средства актуализации индивидуально-авторского стиля). В теоретическом плане в статье поднимаются вопросы, связанные с понятиями «структурный минимум предложения», «модель предложения», «структурная схема предложения», «типовое значение предложения», а также «грамматическая трансформация» в типологическом плане. Целью предлагаемой статьи стало выявление импликационных смыслов, возникающих при трансформации минимального структурного состава простого предложения.

Ключевые слова: грамматическая вариативность, модель предложения, функциональный потенциал, структурная схема предложения, грамматическая трансформация

* Материал создан на основе диссертационного исследования: Березина О. А. «Категория “безличность” в современном английском языке» (Березина 2020).

Functional potential of grammatical variability in a declarative simple sentence (in English fiction of 1999–2015)

О. А. Березина ¹, Ю. Д. Дикая¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Olga A. Berezina, SPIN: 6704-4227,
ORCID: 0000-0002-2604-8702,
e-mail: berezinaolga@gmail.com

Yulia D. Dikaya, e-mail:
yulia.dikaya@mail.ru

For citation: Berezina, O. A.,
Dikaya, Yu. D. (2025) Functional
potential of grammatical variability
in a declarative simple sentence
(in English fiction of 1999–2015).
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 7, no. 1, pp. 6–18.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-6-18> EDN OQASXZ

Received 25 March 2025; reviewed
12 May 2025; accepted 12 May 2025.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © O. A. Berezina,
Yu. D. Dikaya (2025). Published
by Herzen State Pedagogical
University of Russia. Open access
under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. Grammatical variability is rather well researched in linguistic theory, moreover it is well described in textbooks on English theoretical grammar. However, it is to be remarked that research within the functional and semantic approach, describing the implications which are generated with sentence structural pattern modification, is far from being exhaustive so far. Defining the nature and implications of grammatical variability and describing the routs of the basic sentence pattern modifications, there also arises the issue of determining the structural minimum for constituting the system of the basic sentence structure patterns. In the article present the authors attempt at defining and describing semantic, pragmatic, stylistic implications induced by the minimum simple sentence structure pattern modifications which have been studied in grammar theory. The relevance of the article is perceived as extending the paradigm frames of grammar and applying various functional issues to the matter under study. The research embraces the matter of three modern works of fiction, written in English (A Darker Shade of Magic, V. E. Schwab, 2015; Hannibal, T. Harris, 1999; Capital, J. Lanchester, 2013), which have not been sufficiently studied yet. This also determines the research as novel and relevant, as well as suggests further research into different means of the author's individual style of fiction. Theoretically, the article dwells upon such issues as the sentence structural minimum, sentence pattern, structural sentence scheme, stereotypical conventional sentence structure meaning, as well as grammatical transformation. The research aims at defining the implications which arise following the transformation of the simple sentence minimum structural pattern.

Key words: grammatical variability, sentence pattern, functional potential, sentence structure scheme, grammatical transformation

Введение

Понятие вариативности рассматривается в лингвистических исследованиях в нескольких ракурсах, что свидетельствует о различиях в толковании и функционировании данного термина. Среди современных исследований выделяются следующие понимания вариативности и направления в исследованиях. Во-первых, многочисленные исследования посвящены диалектной вариативности в различных языках (Власко 2016; Кириллук 2013; Прокопьева 2015). Во-вторых, в фокус исследовательского интереса попадают вопросы соотношения вариативности и нормы в функциональном аспекте (Карпушина 2016; Моисеенко 2017), особенно перспективным аспектом в этом направлении лингвисты считают языковую вариативность, индуцируемую расширением поля интернет-коммуникации (Вишневская 2013; Пепеляева и др. 2023). В-третьих, изучается функциональная вариативность, как правило, в рамках грам-

матической подсистемы языка (Карпушина 1992; Кустова 2024).

В зарубежной лингвистической традиции выявляются две магистральные исследовательские парадигмы в данном поле: генеративное направление и грамматика конструкций — претендующие на статус универсальных теорий грамматики (и не только). Генеративное направление следует фундаментальной концепции Н. Хомского о модулярности языка, о наличии жесткого разведения языковой компетенции носителей языка (competence), с одной стороны, и речевой деятельности (performance) — с другой (обзор по: (Chomsky 1971; Haegeman 1994; Radford 1990)). Предложение как основная единица анализа в исследованиях последователей этого направления изучается исключительно в аспекте логической формы и структурно-синтаксической организации при полном игнорировании семантической (и коммуникативной) стороны языковой единицы. Генеративная теория оперирует понятиями принципов,

категорий и трансформаций (их число ограничено и конечно, а также универсально), с одной стороны, и параметров (определяют индивидуально-языковые различия в типологическом плане), с другой стороны. В рамках подхода предложение актуализируется как проекция фундаментальной функциональной категории финитной группы (IP), детерминирующей все предикативные признаки и категорию согласования (AGR). Проекция финитной группы на первом уровне реализуется посредством соположения двух составляющих: фундаментальной функциональной категории спецификатора (Spec) и управляющей вариативной глагольной группой (VP). Последняя включает предикат и его аргументную сетку. По существу, в концепции генеративной грамматики структурная схема предложения одна, все реальные актуализации на структурном уровне восходят к этой универсальной модели как ее различные трансформации.

Вторым магистральным направлением в зарубежной лингвистике, в рамках которого исследуется предложение как одна из основных единиц, является грамматика конструкций (одно из когнитивно-ориентированных направлений в грамматике). В фокусе исследовательского интереса последователей этого направления находятся два основных вопроса: 1) каким образом происходит усваивание конструктивного уровня языка в онтогенезе; 2) каковы механизмы распознавания конструктивных конститuentов коммуникантами в речевой деятельности. Фундаментальной единицей при таком подходе является понятие «конструкция», которое трактуется довольно широко — в принципе, «конструктивисты» не рассматривают язык как модулярную систему, что полностью соответствует холистическому взгляду на язык в когнитивно-лингвистической парадигме — конструкцией может быть практически любая

языковая единица от лексемы до предложения. В трактовке последователей этого направления языковая компетенция (знание языка) формируется в онтогенезе как результат фиксирования в опыте речевой деятельности определенных конкретных структур, наделенных значимостью, дальнейшего обобщения в результате когнитивной операции абстрагирования от некоторого числа конкретных интериоризированных структур с формированием в сознании знания о языковых абстрактных схемах конструирования (мета-знаковый уровень) (Karpatinski 2013). Таким образом, грамматика трактуется как «когнитивная организация опыта языка» (Bybee 2006, 711). В данной теории грамматика трактуется как демонстрирующая стохастическую природу, а интериоризация конструкций на уровне грамматики идет по следующему маршруту: 1) перцепция грамматической структуры; 2) интериоризация грамматической структуры; 3) воспроизведение грамматической структуры (холистически, то есть в комплексе всех фонетических, лексических, морфологических и конструктивных параметров) (Karpatinski 2014, 6). Опираясь на постулат Р. Лэнкера, признавая абстрактный характер семантики грамматических единиц, В. Капатински выдвигает тезис о том, что в сознании носителя языка хранятся не только абстрагированные схемы конструирования грамматических единиц, но и те реальные грамматические единицы, на основе которых это абстрагирование произошло (Karpatinski 2014, 7; Langacker 1987, 42). Таким образом, фундаментальные направления грамматических исследований в зарубежной лингвистике не фокусируются на вопросе конгруэнтности модификации грамматической формы и семантических, прагматических и/или стилистических импликаций, возникающих в речевой актуализации.

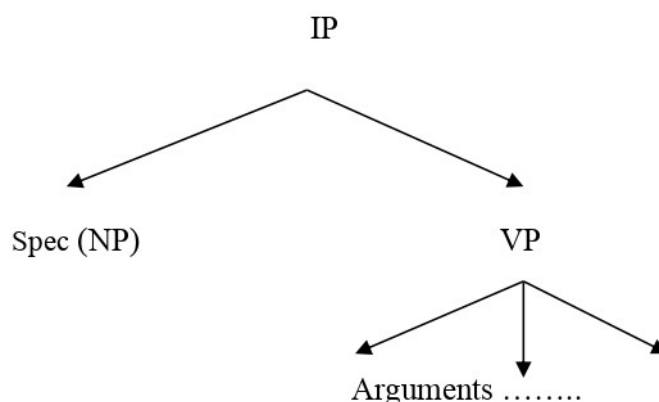

Рис. 1. Схема полной составляющей в генеративной грамматике

Fig. 1. The Inflectional Phrase (IP) scheme in generative Grammar

В настоящем исследовании грамматическая вариативность будет пониматься в узком смысле: как различного рода модификации минимальной структурной модели простого предложения с дальнейшим исследованием семантических и/или прагматических импликаций, детерминируемых данными модификациями. Таким образом, целью настоящего исследования является выявление и описание структурного минимума простого предложения с проведением классификационной организации рассматриваемого репертуара моделей и дальнейшее исследование некоторых трансформационных путей модификации таких моделей в аспекте порождаемых трансформациями семантических, прагматических и стилистических импликаций в художественном тексте. Импликационные смыслы в рамках настоящего исследования трактуются как скрытые значения (импликации, пресуппозиции, подтекст), выявляемые не в лексической семантике комплектов структур единиц, но проявляющиеся в контексте функционирования синтаксической структуры. В связи с этим грамматические трансформации рассматриваются как обладающие функциональным потенциалом как средства актуализации данных смыслов.

Понятие языковой вариативности

Языковая вариативность как понятие описывает способность языка изменяться на всех уровнях системы, то есть вариативность в актуализации различных единиц. Вариативность как свойство грамматической подсистемы языка рассматривается на трех уровнях: с точки зрения грамматической модели, лексического наполнения и смысла. В свою очередь, на каждом из уровней можно выявить три типа вариативности: трансформация, перефраз и деривация. Для целей настоящего исследования особое значение приобретает такой тип вариативности, как трансформация. В этой классификации *трансформация* трактуется как изменение грамматической модели при сохранении лексемного состава и смысла (значения).

Термин *трансформация* впервые был упомянут в 1957 г. З. С. Харрисом, и далее стал частью и парадигмальным инструментом генеративной грамматики Н. Хомского. *Грамматическая трансформация* как явление составляет совокупность синтаксических правил порождения и изменения (трансформации) высказывания (Касевич 1977, 101–113).

Говоря об уровнях синтаксической структуры, необходимо заметить, что трансформа-

ционные процессы затрагивают как отдельные конституенты синтаксической структуры (традиционно выявляемые члены предложения), так и структуру в целом. Анализ моделей элементарного предложения, а также путей их модификации (расширения) позволяет выстроить систему синтаксической структуры языка в целом (Иванова и др. 1981, 213). В связи с этим можно постулировать значимость и перспективность исследований в этом направлении. Механизмы модификаций синтаксической структуры детерминируются иерархическими отношениями между такими конституентами, как группа подлежащего и группа сказуемого (а также семантическими сегментами внутри указанных групп). Однако вектор трансформации минимальной структурной схемы предложения в большинстве случаев зависит от предиката, или группы сказуемого. Именно свойства предиката, как правило, задают определенные рамки потенциального изменения структуры. Также предикат в основном детерминирует возможность/невозможность сужения конструкции, допуская или не допуская возможность опущения единиц, при этом сохраняя допустимую синтаксическую модель предложения и обеспечивая грамматичность всей конструкции.

Минимальная структурная схема предложения

В целях описания различных структурных типов предложения довольно широко используется понятие «минимальная структурная схема предложения», поскольку перед лингвистами стоит задача ограничить исследуемый исключительно обширный материал, ибо возможное количество реальных предложений конкретного языка потенциально бесконечно.

Вопрос о том, каков состав минимальной структурной схемы предложения давно рассматривается в лингвистике, однако до сих пор является дискуссионным. В основном споры вызывает проблематика выбора между структурной минимальностью состава модели предложения, с одной стороны, и смысловой оптимальностью, с другой стороны. Обе концепции, однако, не оспаривают фундаментальный конституирующий для структуры предложения характер субъекта и предиката. Но основной вопрос о том, является ли субъекто-предикатный центр сентенциональной структуры достаточным и исчерпывающим параметром для составления классификаций минимальных структур предложения естественного языка, не получил решения в исследованиях.

Традиционно минимальной структурной схемой предложения считают комплекс «субъект + предикат» без учета тех конститuentов (зависимых членов предложения), которые комплементарно комплектуют группы подлежащего и сказуемого. Такой подход в свое время стал объектом критики. Так, В. С. Юрченко приводит пример: *Он спит крепко*, где структурным минимумом традиционно считается *Он спит*. Однако при таком подходе не учитывается коммуникативный аспект предложения-высказывания, т. к. при удалении «распространителя» *крепко* из структуры удаляется также и рема высказывания (Юрченко 1979, 81). Игнорирование коммуникативной составляющей высказывания, основой которого является предложение, ведет к неполноте анализа лингвистических явлений. Так в контекстуальном окружении возможна следующая трактовка этих двух предложений (минимального и «расширенного»): *Он спит — Не шуми, это может его разбудить*, в то время как *Он спит крепко — Можешь шуметь, ты его не разбудишь* (см. в: (Березина 2020)). При таком подходе учету подлежат не только структурный план (план выражения) предложения как языковой единицы, но также планы семантический и коммуникативный, которые требуют вовлечения в описание структуры предложения как плана выражения некоторого пропозиционального содержания признаков, получающих выражение в формате зависимых второстепенных конститuentов структуры. По сути весь состав предложения (при исключении субъекта-подлежащего) актуализирует предикативный признак (об этом см.: (Касевич 1992, 76–77)). Таким образом, минимальный состав предикативной структуры не может рассматриваться как достаточный в лингвистических исследованиях ни с теоретических позиций, ни с эмпирических позиций, поскольку предикативный минимум предложения и грамматическая структура предложения суть различные объекты исследования (Березина 2020). В целях адекватного анализа грамматической структуры необходимо учитывать не только комплекс S + P, этот минимум не позволит сделать выводы о значимых коммуникативных параметрах, получающих актуализацию рассматриваемой структурой. По мнению Г. А. Золотовой, типизированная структурная основа предложения (во многих исследованиях используется понятие «модель предложения») должна обладать следующими параметрами: 1) минимальный, но достаточный в коммуникативном плане репертуар структурных конститuentов; 2) этот репертуар структурных конститuentов

должен демонстрировать способность к формированию коммуникативной единицы; 3) эта коммуникативная единица должна реализовывать определенное типовое значение; 4) данное значение может рассматриваться в ряду аналогичных типовых значений структур в парадигматическом плане (Золотова 1967, 94). Также Н. Ю. Шведова подчеркивала определенную степень семантической нагрузки синтаксического формата построения предложения: «Элементарная организация предложения (структурная схема) безотносительно к ее конкретному лексическому наполнению уже сама по себе является фактором, небезразличным для семантической структуры построенного по этой схеме предложения. Отвлеченные значения компонентов схемы и отношения между ними служат первоосновой семантической структуры предложения, представляя ее в максимально обобщенном виде» (Шведова 1973, 461). Согласно же Г. А. Золотовой, фокус в трактовке соотношения грамматического и лексического в описании схемы предложения должен быть смещен на равноправие структурной схемы предложения и его лексического наполнения. Исследовательница считает, что схема и лексический состав предложения взаимозависимы, фактически выдвигая идею невозможности отделения грамматической (синтаксической) составляющей высказывания от прагматической составляющей высказывания (см.: (Виноградов 1986, 65–66)).

Классификация моделей предложения в английском языке

Классические теории грамматики, постулаты и концепции которых находят отражение в учебных пособиях для высшей профессиональной школы, выявляют конечное число «ядерных конструкций», или структурных моделей предложения, которые являются критерием, или основанием, для выделения типов предложения в структурном плане (Бархударов 1966; Иванова и др. 1981).

Так, традиционно в английском языке на синтаксическом уровне выделяют 6 моделей элементарных предложений согласно концепции о минимальном составе структурной схемы предложения (см.: (Иванова и др. 1981)):

1. S + V_{intr} (Active): *Pages rustle (S. Bedford)*. Модель выражает законченную мысль в структуре элементарного предложения.
2. S + V_{tr} (Active) + O_{Acc}: *Mor was enjoying the port (I. Murdoch)*. В такой модели переходность как семантический признак глагола детерминирует наличие прямого дополнения

в минимальной структуре предложения с обязательностью.

3. $S + V_{tr} \text{ (Active)} + O_{Acc} + O_{Dat}$: в актантной сетке предиката этой модели с обязательностью актуализируются два объекта: прямой и косвенный (реципиент).
4. $S + V_{loc} \text{ (Active)} + Adv_{loc}$: *The Judge is in the chair (S. Bedford)*.
5. $S + V_{temp} \text{ (Active)} + Adv_{temp}$: *That was long ago (P. Abrahams)*.
6. $S + V_{tr} \text{ (Passive)}$: *They had been seized (H. G. Wells)*.

Типология строится на основе такого критерия для выявления типов предложения, как валентность глагола. Вышеупомянутая классификация включает пять моделей элементарного предложения со сказуемым-глаголом в форме действительного залога и одну — со сказуемым-глаголом в форме страдательного залога. Такое разделение ставит вопрос о статусе структур со сказуемым-глаголом в форме страдательного залога среди или альтернативно структурам со сказуемым-глаголом в форме действительного залога, то есть в парадигматическом аспекте. Также в данной классификации обращает на себя внимание тот факт, что не представлены структуры с именными формами актуализации предиката.

Иную классификацию моделей («ядерных» типов) простого предложения предлагает С. Е. Рахманкулова (Кузьмина 2015, 21–23):

1. Подлежащее + составное именное сказуемое (с предикативным членом, выраженным именем прилагательным / именем существительным / словом категории состояния / количественным числительным, или их функциональными аналогами): *The goblins were very rough (Tolkien)*, *This is a book by biotechnologists (BNC)*, *Her eyes were alight with enthusiasm (Christie)*.
2. Подлежащее + глагольное сказуемое: *Ann died (Galsworthy)*.
3. Подлежащее + глагольное сказуемое + прямое дополнение: *He could not have kidnapped that boy (BCN)*.
4. Подлежащее + глагольное сказуемое + прямое дополнение + косвенное дополнение: *The young lady handed him some letters (Woolf)*.
5. Подлежащее + составное адвербиальное сказуемое: *You and Miss Prism were in the garden*.
6. Подлежащее + глагольное сказуемое + директивный локативный комплемент: *The sun came from behind a cloud (Tolkien)*.
7. Подлежащее + глагольное сказуемое + прямое дополнение + директивный локативный комплемент: *Now, get him out of here (BNC)*.

В вышеприведенной классификации обращают на себя внимание модели с неглагольными форматами сказуемого (№ 1, 5), введение в структурный минимум модели предложения адвербиальных (локативных и директивных) комплементов (№ 6, 7), а также исключение из параметров (критериев) выявления ядерных структурных моделей предложения морфологического маркера залога, что в значительной степени расширяет репертуар структурных моделей простого предложения и смещает акцент с формально-структурных критериев на синтактико-семантические.

Грамматические трансформации в художественном тексте

Рассмотрим различные трансформации ядерной (минимальной) структурной схемы предложения на материале художественного текста с целью выявить семантические, стилистические и/или прагматические импликации, индуцируемые этими трансформациями. В ходе анализа художественных произведений было выявлено, что определенные модификации структуры простого предложения индуцируют определенные прагматические, стилистические и семантические функции конкретных видов грамматической вариативности. Рассмотрим виды грамматической вариативности в их актуализации на примере фрагментов текстов, а также приведем результаты анализа конкретных грамматических явлений в виде определения конкретных импликационных функций каждого из подвидов модификации.

Расширение ядерной модели простого предложения

Это грамматическое явление основывается на «рекурсивности» или добавлении к синтаксической единице элемента/ов такого же лексического статуса. В свою очередь, грамматическое расширение делится на подвиды:
(а) Повторение элемента:

*Mason Verger, noseless and lipless, with no soft tissue on his face, was all teeth, like a creature of the **deep**, **deep** ocean* (Harris 1999, гл. 9).

*On **another** wall in **another** room in **another** palace, the same mark stood* (Schwab 2015, ч. 1, гл. 1).

Round and round**, **muttering** the soft dove **mutter (Harris 1999, гл. 11).

*There were **many**, **many** trees; and then they were out of London driving across a heath, which seemed unexpectedly wild and bare to Freddy* (Lanchester 2013, гл. 18).

На материале данных четырех примеров можно установить, что повторение элементов, которое на первый взгляд придает повествованию признак избыточности, индуцирует следующие смыслы в художественном тексте. Первый пример демонстрирует интенсификацию признака во фрагменте *like a creature of the **deep, deep** ocean*, вызывая у читателя образ нереального, нечеловеческого, ужасающего и почти фантастического вида описываемого персонажа. Во втором примере повторенное трижды местоимение в *on **another** wall in **another** room in **another** palace* усиливает (интенсифицирует) ощущение изумления воспринимающего (автора текста) от понимания полной невозможности происходящего. В третьем примере повтор в локативном компоненте ***round and round*** используется автором для создания у читателя ощущения тотальной пространственной заполненности определенными звуками (*the soft dove **mutter***). Последний, четвертый пример, в котором контактно повторяется ***many, many trees***, также демонстрирует интенсификацию количественного признака, который, кроме того, усиливается в начальной части предложения финальным использованием антонимичной фразы *wild and bare*. В результате комплексного анализа утвердительных предложений, включающих в синтаксическую конструкцию повторение элемента, был сделан следующий вывод: функция данного приема трансформации минимальной структурной схемы предложения — акцентирование внимания читателя на избыточности чего-либо, исключительной степени проявления качества и/или непосильности при осуществлении действия или восприятии качества, что можно определить в общем (категориально) как интенсификацию.

(b) Объединение существительных и личных местоимений:

He and Starling often talked while standing; it was one of the tacit formalities they had come to impose on their relationship (Harris 1999, гл. 8).

<...> and he and Gen were allowed to follow at a distance or relieved of their duties entirely and allowed to stay for company rather than protection <...> (Schwab 2015, ч. 2, гл. 1).

When she and Barney entered the coffee shop, the van backed into an alley to turn around and went back the way it came (Harris 1999, гл. 12).

Данные примеры реализуют семантику субъекта аналогичным образом. В рассматриваемых контекстах автор намеренно использует «расщепленный» формат указания на исполнителей действия, избегая объединяющих форматов

(личные местоимения множественного числа) с целью конкретизации в описании субъектов. В импликационно-функциональном плане целью также может быть фокусирование на личности каждого из персонажей при сохранении их акционального единства.

(c) Объединение глаголов разных синтагматических классов и разрядов:

*Kell **patted** the pockets of his coat **and realized** he'd forgotten to take the notes out before changing* (Schwab 2015, ч. 1, гл. 1).

*She **leaned** on Chilton's desk in spite of the dust **and tried to decide*** (Harris 1999, гл. 11).

*He **was covered** in wires **and made to run** on a treadmill* (Lanchester 2013, гл. 18).

Приведенные примеры также демонстрируют единообразие в выражении тех импликационных смыслов, которые заложены авторами в текстах. Объединение предикатов, выраженных различными категориально глаголами (в первом и втором примерах — глагол физического действия + глагол ментального действия, в третьем примере — глагол физического действия + каузативный глагол) имеет целью описание персонажа (человека) как единства физического и ментального (духовного), поскольку автору художественного произведения необходимо максимально подробным образом вывести в описании параметры описываемого фикционального мира для вовлечения читателя в происходящее в произведении. Таким образом, этот тип трансформации выполняет импликационную функцию, заключающуюся в создании максимально полного описания реальности в произведении, одновременности чувств и действий персонажа.

(d) Расширение сказуемого:

*Kell **guided** his sleeve **down** over the wound — he'd treat all the cuts once he was home — **and cast** a last glance **back** at the babbling king before pressing his palm flat to the mark on the wall* (Schwab 2015, ч. 1, гл. 1).

*He **set** the folded note **on** the tea tray **and was halfway** to the wall when the king **spoke up*** (Schwab 2015, ч. 1, гл. 1).

*In Red London, tastes turned as often as seasons, and with them, buildings **went up** **and came down** **and went up** again in different forms* (Schwab 2015, ч. 1, гл. 2).

В исследуемом материале этот тип трансформации представлен в основном так называемыми фразовыми глаголами (***came down** **and went up***),

или фразеологическими оборотами акциональной семантики (*cast a last glance back*). Использование этих форм вместо синонимичных глаголов без фразеологического расширения обусловлено тремя факторами: во-первых, акцентированием пространственных отношений (*came down and went up*); во-вторых, необходимостью обогатить содержание предиката дополнительными семантическими признаками (*cast a last glance back*); в-третьих, фразовые глаголы являются исключительно разговорным лексическим фондом для описания действия, поэтому их использование в тексте художественного языка создает определенные стилистические эффекты.

Усложнение ядерной модели предложения

Этот процесс предполагает цепочное присоединение элементов для перевода конструкции из простой в более сложную или составную. В частности, усложнение сказуемого осуществляется путем включения в его структуру элемента, который отличается неполнотой предикации (Иванова и др. 1981, 217):

*The traffic had come to a complete halt, and he **must have overtaken** hundreds, perhaps thousands, of cars at his easy strolling pace* (Lanchester 2013, гл. 40).

*Antari had always been rare, but none knew how rare until the doors were closed, and their numbers **began to wane*** (Schwab 2015, ч. 1, гл. 3).

*Starling thought then that she **came to understand** something: Death and danger do not have to come with trappings* (Harris 1999, гл. 11).

Представленная группа примеров достаточно однородна, усложнение сказуемого в приводимом материале демонстрирует обогащение семантики предложений различными модальными значениями (модальность предположения с высокой степенью уверенности в первом, различные оттенки фазового значения во втором и третьем примерах). Импликационные функции добавляемых единиц в данном случае заключаются в акцентировании важности процесса действия или результата действия, установлении временных рамок, выражении модальности, степени возможности выполнения действия / наличии навыка и подобное.

Контаминация/совмещение в ядерной модели предложения

Данное явление, как правило, выявляется в совмещении двух элементов разных классов с формированием сложного типа сказуемого, однако исследуемый материал продемонстрировал усложнение подлежащего за счет исполь-

зования автором яркого стилистического приема грамматической природы — так называемое указание на имплицитную аналогию:

*The **stuffy cell of a room** gave way to bright tapestries and polished silver, and the mad king's mumblings were replaced by a heavy quiet and a man sitting at the head of an ornate table, gripping a goblet of wine and looking thoroughly put out* (Schwab 2015, ч. 1, гл. 3).

Такой прием позволяет в рамках одной синтаксической позиции выразить и создать более яркий образ объекта или действия. В предлагаемом примере за счет совмещения в позиции подлежащего двух объектов (*cell = room*) происходит визуализация пространства с нехарактерными пространственными параметрами (*cell* — слишком тесное, маленькое помещение, не пригодное для проживания vs. *room* — адекватное для целей проживания помещение). К тому же наличие двух субстантивов для наименования одного и того же объекта потенциально открывает две позиции для наполнения атрибутами, что позволяет расширить описание за счет большего возможного числа признаков. Импликационная функция такого типа трансформации может быть описана как результат экономии при актуализации высказывания или сохранение целостности и логичности повествования за счет избежания избыточности в синтаксическом плане с максимальным вовлечением признаков и параметров в семантическом плане, а также описание явлений с сохранением их одновременности, данной в восприятии.

Развертывание в составе ядерной модели предложения

Явление основано на синтаксической связи зависимости, из-за чего становится возможной модификация одного элемента предложения другим зависимым от первого. Такая система модификации предполагает обширное преобразование синтаксической единицы в пределах одной группы. Модификация может происходить в рамках следующих структурных моделей:

- существительное → прилагательное + существительное (*carpet* → *red carpet*);
- глагол → глагол + обстоятельство (*turned* → *turned impulsively*);
- обстоятельство → обстоятельство + обстоятельство (*sly* → *disturbingly sly*) и т. д.

*Mason Verger's hair is **handsome and, oddly, the hardest thing to look at*** (Harris 1999, гл. 9).

*To Starling's surprise, the first room in the wing was a **large and well-equipped playroom*** (Harris 1999, гл. 9).

*He ate toast and an **entirely flavourless banana** and instead of struggling with the coffee-maker — which had a French-language instruction manual but was still impossible to work out — brewed **strong stewed coffee** in a jug* (Lanchester 2013, гл. 40).

В данном случае наблюдается обогащение содержания за счет добавления информации о признаках объектов, как объективных (второй пример), так и субъективных, то есть отражающих данное в восприятии объекта персонажу, его оценки различного типа (первый и третий примеры). В наиболее ярком виде субъективная оценка воспринимающего персонажа отражена в первом примере, что дополнительно усиливается использованием вставной оценочной единицы (**oddly**), использованием имени прилагательного в форме превосходной степени (**hardest**) и эксплицитным указанием на канал восприятия (**to look at**). Таким образом, импликационные функции грамматической трансформации в этом случае — создание более детального образа, выражение отношения персонажа к явлениям, объектам и событиям, акцентирование влияния явлений, объектов и событий на чувства персонажа.

Присоединение в ядерной модели предложения

Данное явление заключается в модификации (расширении) синтаксических конструкций фокусирующими/интенсифицирующими частицами *just* и *even*:

*It was strong magic, **even** in Red London* (Schwab 2015, ч. 1, гл. 3).

*At about three o'clock, **just** as he was preparing to go round filling and touching up and finishing, the doorbell rang* (Lanchester 2013, гл. 51).

***Even** as he worked the important museum bomb case, Il Mostro's created images stayed in Pazzi's mind* (Harris 1999, гл. 17).

Добавление этих частиц носит интенсифицирующий, уточняющий, фокусирующий характер. Импликационные функции, выявляемые в контексте функционирования частицы *just*, можно определить как указание на аналогичность, тождество или сравнение явлений (в группе **just as**), придание тексту разговорного стиля речи, к тому же данная частица употребляется в контекстах, реализующих различную степень оправдания действий в речи персонажей. Частица *even* в функциональном плане используется для акцентирования контраста, противопоставления описываемых явлений, действий, признаков, а также для фокусирования внима-

ния читателя на неожиданности/внезапности новой вводимой информации или идеи, создания атмосферы напряженности.

Обособление ядерной модели предложения

Отличительной особенностью таких модификаций является графическое выделение пунктуационными средствами, маркирующими окончание предложения. В стилистике такая актуализация синтаксических структур получила название «парцелляция» и рассматривается как синтаксический стилистический прием создания выразительности:

*Bed frames disassembled and stacked in the cells. **In others, mattresses*** (Harris 1999, гл. 11).

*On the wall behind him, he could just make out the ghosted symbol made by his passage. **Like a footprint in sand, already fading*** (Schwab 2015, ч. 1, гл. 1).

Использование такой трансформации ядерной модели предложения имплицитно включает несколько дополнительных к денотативному содержанию пропозиции признаков различной природы: во-первых, стремление автора кратко донести до читателя отношение персонажа к определенным параметрам описываемой в произведении реальности без отступления от ведущей траектории повествования; во-вторых, выделение наиболее значимых деталей описываемой в произведении ситуации, передача внутреннего состояния персонажа (чаще позитивные и/или негативные эпизоды «туннельного видения»); в-третьих, описание последовательного восприятия, осмысления и оценивания персонажем воспринимаемого.

Замещение в структуре ядерной модели предложения

Данная модификация предполагает замещение значимых синтаксических единиц служебными индексальными единицами *one*, *do*, *so*, *not*, *it*.

*Shock comes with the recognition that this is a human face with a mind behind it. **It** churns you with its movement, the articulation of the jaw, the turning of the eye to see you* (Harris 1999, гл. 9).

*The king was in good form today. It wasn't always **so*** (Schwab 2015, ч. 1, гл. 1).

*The great thing about Arabella was that she wanted things to be fun, to be easy, and acted as if they were — which went a long way to making them **so*** (Lanchester 2013, гл. 42).

*Disan was, on the whole, a very pleasant place. Windsor was **not*** (Schwab 2015, ч. 1, гл. 1).

Описываемый тип трансформации связан с реализацией принципа экономии речевых усилий как одного из фундаментальных механизмов функционирования языка. Данная трансформация, таким образом, упрощает восприятие текста из-за отсутствия избыточного повторения и развернутого описания в тех случаях, когда для полноты понимания текста достаточно лишь указания на определенные фрагменты текста.

Эллипсис в структуре ядерной модели предложения

Грамматическое явление эллипсиса, как правило, связывают с неполной актуализацией субъекто-предикатного ядра предложения вследствие полной очевидности эллиптированных форм:

Few people would appreciate the poetry. Holland might (Schwab 2015, ч. 1, гл. 1).

Smitty took a wander round the ground floor to see that everything was in order. It was — of course it was (Lanchester 2013, гл. 18).

В обоих примерах эллиптированы значимые части сказуемого. В ходе анализа был сделан вывод о редкости появления такой трансформации вне прямой речи, так как эллиптированные предложения в основном присущи разговорной и часто диалоговой речи (в несобственно прямой речи также могут наблюдаться эллиптированные структуры — для придания разговорного характера). В соответствии с этим наблюдением была выведена следующая импликационная функция данного типа трансформации. Эллипсис передает разговорный тон речи, максимально приближенный к реальным ситуациям общения. Было также отмечено, что эллиптированные предложения выделяют наиболее важное в содержании предложения, противопоставляемое ранее описанному.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что грамматическая вариативность как явление, оказывающее влияние на лексическое и смысловое наполнение художественного текста, играет исключительно важную роль в адаптации языка к различным коммуникативным задачам, тем самым подчеркивает роль синтаксических связей и процессов в формировании высказывания. Виды и подвиды грамматической вариативности не только обогащают язык различными способами выражения мысли, но также выполняют функцию усиления эмоционального аспекта высказывания. В ходе исследования были выявлены многочисленные функции грамматических

трансформаций на материале художественного текста: модусные значения, интенсификация при описании признаков, конкретизация в представлении объектов и их характеристик, акцентирование внимания читателей на пространственных параметрах, передача больших семантических массивов экономичными формами, придание описанию лаконичности за счет полифоничности описания и многое другое.

Таким образом, предложение представляет собой сложное, иерархически построенное единство семантики, морфологии, синтаксической структуры, прагматической установки, коммуникативной перспективы и т. д. Оно не сводится к развертыванию цепочки слов и их кумулятивной семантике, тем более в некотором «минимальном» наборе. Являясь связующим звеном между человеком как субъектом когнитивной деятельности, онтологией как образом внешней действительности в сознании человека и языковой системой (если условно ее рассматривать как относительно самостоятельный сегмент когнитивной сферы человека), сентенциональная структура отражает категоризацию человеческого когнитивного опыта в конечном репертуаре определенных лингвистически обусловленных форм, таким образом, являясь отражением системного характера процесса познания онтологических сущностей в их взаимосвязи и взаимоотношениях.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Березина О. А.: общая концепция исследования, введение в статью, теоретическое обоснование исследования, оформление и итоговая корректура текста.

Дикая Ю. Д.: практическое применение методов исследования при описании материала.

Author Contributions

Berezina O. A.: General design of the study, the text of the introduction, theoretical premises of the study, structuring and final editing.

Dikaya Yu. D.: Practical implementation of the research methods within the scope of the matter under description.

Литература

- Бархударов, Л. С. (1966) *Структура простого предложения современного английского языка*. М.: Высшая школа, 199 с.
- Березина, О. А. (2020) Категория «безличность» в современном английском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 406 с.
- Виноградов, В. В. (1986) *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 640 с.
- Вишневская, Г. М. (2013) Новые формы существования языка и языковая вариативность: XXI век. *Успехи современного естествознания*, № 5, с. 121–122.
- Власко, Н. К. (2016) Грамматическая вариативность в свете понятия общего ядра. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, № 12-2, с. 132–134.
- Золотова, Г. А. (1967) О структуре простого предложения в русском языке. *Вопросы языкознания*, № 6, с. 90–101.
- Иванова, И. П., Бурлакова, В. В., Почепцов, Г. Г. (1981) *Теоретическая грамматика современного английского языка*. М.: Высшая школа, 285 с.
- Карпушина, Е. Е. (1992) *Грамматическая, прагматическая и интеракциональная вариативность вопросительных конструкций*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 17 с.
- Картушина, Е. А. (2016) Агрессивная языковая экспрессия и вариативность языковой нормы под влиянием социокультурных факторов. *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*, № 36, с. 300–304.
- Касевич, В. Б. (1977) Трансформационно-порождающая грамматика. В кн.: *Элементы общей лингвистики*. М.: Наука, с. 101–113.
- Касевич, В. Б. (1992) Субъектность и объектность: проблемы семантики. В кн.: А. В. Бондарко (ред.). *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/Неопределенность*. СПб.: Наука, с. 5–29.
- Кирилюк, М. А. (2013) Языковая вариативность в глобализованном мире: немецкие диалекты. В кн.: *Перспективы развития науки и образования*. М.: АР-Консалт, с. 65–66.
- Кузьмина, С. Е. (2015) *Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 41 с.
- Кустова, Г. И. (2024) Грамматическая вариативность в местоименных конструкциях «много кто/что vs. много кого/чего». *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*, № 2, с. 174–196.
- Моисеенко, Л. В. (2017) Языковая норма и вариативность при обучении испанскому языку в России. В кн.: *Романистика в эпоху полилингвизма: Материалы международной научно-практической конференции*. М.: МГЛУ, с. 360–364.
- Пепеляева, Е. А., Попова, О. А., Соболева, О. В. (2023) Грамматическая вариативность в современном русском языке (на материале названий социальных сетей и мессенджеров). *Казанская наука*, № 7, с. 71–73.
- Прокопьева, Н. Н. (2015) Языковая вариативность и проблемы межкультурной коммуникации. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*, № 30, с. 195–200.
- Шведова, Н. Ю. (1973) О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. В кн.: *Славянское языкознание*. М.: АН СССР, с. 458–484.
- Юрченко, В. С. (1979) Структура предложения и система синтаксиса. *Вопросы языкознания*, № 4, с. 77–89.
- Bybee, J. (2006) From usage to grammar: The mind's response to repetition. *Language*, vol. 82, no. 4, pp. 711–733. <https://dx.doi.org/10.1353/lan.2006.0186>
- Chomsky, N. (1971) Deep structure, surface structure and semantic representation. In: D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits (eds.). *Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. New York: Cambridge University Press, pp. X–604.
- Haegeman, L. (1994) *Introduction to Government and Binding Theory*. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publ., 701 p.
- Kapatsinski, V. (2013) Conspiring to mean: Experimental and computational evidence for a usage-based harmonic approach to morphophonology. *Language*, no. 89, pp. 110–148. <https://dx.doi.org/10.1353/lan.2013.0003>
- Kapatsinski, V. (2014) What is grammar like? A usage-based constructionist perspective. *Theoretical and Computational Morphology: New Trends and Synergies. CSLI Publications*, vol. 11, no. 1. [Online]. Available at: <https://aclanthology.org/2014.lilt-11.2/> (accessed 20.02.2025).
- Langacker, R. W. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar (in 2 volumes)*. Vol. 1: *Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press, 540 p.
- Radford, A. (1990) *Syntactic Theory and the Acquisition of English Syntax*. Oxford: Basil Blackwell Publ., vii + 311 p.

Sources

- Harris, T. (1999) *Hannibal*. New York: Delacorte Press, 484 p. (In English)
 Lanchester, J. (2013) *Capital*. London: Faber and Faber Publ., 592 p. (In English)
 Schwab, V. E. (2015) *A Darker Shade of Magic*. New York: Tor Books Publ., 400 p. (In English)

References

- Barkhudarov, L. S. (1966) *Struktura prostogo predlozheniya sovremennogo anglijskogo yazyka [Structure of a simple sentence in modern English]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 199 p. (In Russian)
 Berezina, O. A. (2020) *Kategoriya "bezlichnost" v sovremennom anglijskom yazyke [The category of "impersonality" in modern English]*. PhD dissertation (Philology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 406 p. (In Russian)
 Bybee, J. (2006) From usage to grammar: The mind's response to repetition. *Language*, vol. 82, no. 4, pp. 711–733. <https://dx.doi.org/10.1353/lan.2006.0186> (In English)
 Chomsky, N. (1971) Deep structure, surface structure and semantic representation. In: D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits (eds.). *Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. New York: Cambridge University Press, pp. X–604. (In English)
 Haegeman, L. (1994) *Introduction to Government and Binding Theory*. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publ., 701 p. (In English)
 Ivanova, I. P., Burlakova, V. V., Pohepchev, G. G. (1981) *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka [Theoretical grammar of modern English]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 285 p. (In Russian)
 Kapatinski, V. (2013) Conspiring to mean: Experimental and computational evidence for a usage-based harmonic approach to morphophonology. *Language*, no. 89, pp. 110–148. <https://dx.doi.org/10.1353/lan.2013.0003> (In English)
 Kapatinski, V. (2014) What is grammar like? A usage-based constructionist perspective. *Theoretical and Computational Morphology: New Trends and Synergies. CSLI Publications*, vol. 11, no. 1. [Online]. Available at: <https://aclanthology.org/2014.lilt-11.2/> (accessed 20.02.2025). (In English)
 Karpushina, E. E. (1992) *Grammaticheskaya, pragmaticheskaya i interaktsional'naya variativnost' voprositel'nykh konstruksiy [Grammatical, pragmatic and interactional variability of interrogative constructions]*. Extended abstract of PhD dissertation (Philology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 17 p. (In Russian)
 Kartushina, E. A. (2016) Aggressivnaya yazykovaya ekspressiya i variativnost' yazykovoj normy pod vliyaniem sotsiokul'turnykh faktorov [Aggressive language expression and variability of the language norm under the influence of sociocultural factors]. *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty [Foreign languages: Linguistic and methodological aspects]*, no. 36, pp. 300–304. (In Russian)
 Kasevich, V. B. (1992) Sub'ektnost' i ob'ektnost': problemy semantiki [Subjectivity and objectivity: Problems of semantics]. In: A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsional'noj grammatiki. Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/Neopredelennost' [Theory of functional grammar. Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of utterance. Certainty/Indefiniteness]*. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 5–29. (In Russian)
 Kasevich, V. B. (1977) Transformatsionno-porozhdayushchaya grammatika [Transformational-generative grammar]. In: *Elementy obshchey lingvistiki [Elements of General Linguistics]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 101–113. (In Russian)
 Kirilyuk, M. A. (2013) Yazykovaya variativnost' v globalizovannom mire: nemetskie dialekty [Linguistic variation in a globalized world: German dialects]. In: *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya [Prospects for the development of science and education]*. Moscow: AR-Konsalt Publ., pp. 65–66. (In Russian)
 Kustova, G. I. (2014) Grammaticheskaya variativnost' v mestoimennykh konstruksiyakh "mnogo kto/chto vs. mnogo kogo/chego" [Grammatical variability in pronominal constructions "many who/what vs. many who/what"]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova — Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language*, no. 2, pp. 174–195. (In Russian)
 Kuzmina, S. E. (2015) *Prostoe predlozhenie sovremennogo anglijskogo yazyka kak sredstvo reprezentatsii sintaksicheskogo kontsepta [A simple sentence of modern English as a means of representing a syntactic concept]*. Extended abstract of PhD (Philology). Nizhny Novgorod, LUNN, 41 p. (In Russian)
 Langacker, R. W. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar (in 2 volumes). Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press, 540 p. (In English)
 Moiseenko, L. V. (2017) Yazykovaya norma i variativnost' pri obuchenii ispankomu yazyku v Rossii [Language norm and variability in teaching Spanish in Russia]. In: *Romanistika v epokhu polilingvizma: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii [Romance studies in the era of polylingualism: Proceedings of the international scientific and practical conference]*. Moscow: MSLU Publ., pp. 360–364. (In Russian)

- Pepelyaeva, E. A., Popova, O. A., Soboleva, O. V. (2023) Grammaticheskaya variativnost' v sovremennom russkom yazyke (na materiale nazvanij sotsial'nykh setej i messendzherov) [Grammatical variability in modern Russian (based on the names of social networks and messengers)]. *Kazanskaya nauka — Kazan Science*, no. 7, pp. 71–73. (In Russian)
- Prokopeva, N. N. (2015) Yazykovaya variativnost' i problemy mezhkul'turnoj kommunikatsii [Language variability and problems of intercultural communication]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova — Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, no. 30, pp. 195–200. (In Russian)
- Radford, A. (1990) *Syntactic Theory and the Acquisition of English Syntax*. Oxford: Basil Blackwell Publ., vii + 311 p. (In English)
- Shvedova, N. Yu. (1973) O sootnoshenii grammaticheskoy i semanticheskoy struktury predlozheniya [On the relationship between the grammatical and semantic structure of a sentence]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie [Slavic linguistics]*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., pp. 458–484. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1986) *Grammaticheskoe uchenie o slove. Russkiy yazyk [Russian language (Grammatical doctrine of words)]*. 3rd ed., rev. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 640 p. (In Russian)
- Vishnevskaya, G. M. (2013) Novye formy sushchestvovaniya yazyka i yazykovaya variativnost': XXI vek [New forms of language existence and linguistic variability: The 21st century]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya — Advances in Current Natural Sciences*, no. 5, pp. 121–122. (In Russian)
- Vlasko, N. K. (2016) Grammaticheskaya variativnost' v svete ponyatiya obshchego yadra [Grammatical variability in light of the concept of a common core]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk — Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, no. 12-2, pp. 132–134. (In Russian)
- Yurchenko, V. S. (1979) Struktura predlozheniya i sistema sintaksisa [Sentence structure and syntax system]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 77–89. (In Russian)
- Zolotova, G. A. (1967) O strukture prostogo predlozheniya v russkom yazyke [On the structure of a simple sentence in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp. 90–101. (In Russian)

УДК 81'42

EDN TSSUHW

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-19-26>

Своеобразие категории автора как текстовая доминанта жанра дидактического подкаста

С. В. Косаковский ¹, Е. В. Белоглазова¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Святослав Викторович
Косаковский, e-mail:
foregekom@gmail.com

Елена Владимировна Белоглазова,
SPIN-код: 4851-1850, Scopus
AuthorID: 57202383153, ORCID:
0000-0002-0267-9614, e-mail:
evbeloglazova@herzen.spb.ru

Для цитирования:

Косаковский, С. В.,
Белоглазова, Е. В. (2025)
Своеобразие категории автора
как текстовая доминанта жанра
дидактического подкаста.
*Исследования языка и современное
гуманитарное знание*, т. 7, № 1,
с. 19–26. [https://doi.org/
10.33910/2686-830X-2025-7-1-19-26](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-19-26)
EDN TSSUHW

Получена 21 марта 2025; прошла
рецензирование 12 мая 2025;
принята 12 мая 2025.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © С. В. Косаковский,
Е. В. Белоглазова (2025).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация: В статье рассматривается категория автора как одна из ключевых текстовых категорий. Она коррелирует с антропоцентром текста и предстает как надкатегория, предопределяющая общую категориальную конфигурацию жанра за счет тесной связи между категорией автора и другими стандартами текстуальности. Актуальность исследования обусловлена прежде всего большим интересом в современной лингвистике к проблеме разграничения и выделения текстовых категорий, которые присущи текстам разных функциональных стилей, жанров и типов дискурса. Однако, несмотря на интенсивное изучение текстовых категорий, их иерархия и номенклатура до сих пор не унифицированы. Целью исследования стал анализ языковой реализации категории автора на материале жанра-инновации дидактического подкаста, автономизировавшегося на пересечении медиадискурса, дидактического дискурса и специально-научного дискурса. Исследование выполнено на материале подкаста для изучающих английский язык «English Learning For Curious Minds». В исследовании выявлено пять основных маркеров категории автора, включающих как типовые, так и жанро-специфические средства. Так, к типовым относятся средства позиционирования и самоидентификации автора, реализуемые посредством личных и притяжательных местоимений первого и второго лица единственного числа. К специфическим, формирующим особый профиль исследуемого жанра следует отнести, во-первых, сближение с адресатом, реализуемое за счет коллоквиализмов, сленга и дискурсивных маркеров; во-вторых, экспрессивность с целью воздействия при помощи употребления экспрессивных выражений, метафор, идиом, сравнений и эпитетов; в-третьих, интенсификацию, репрезентируемую посредством интенсификаторов, лексических повторов и параллелизмов; в-четвертых, воздействие на адресата, что является главной целью автора дидактического подкаста и отражается в тексте подкаста посредством гиперболы, модальных средств, хеджирования.

Ключевые слова: категория автора, текстуальность, языковая репрезентация, дидактический подкаст, категориальный профиль жанра

Category of the author as the central piece of the didactic podcast genre profile

S. V. Kosakovsky ^{✉1}, E. V. Beloglazova ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Svyatoslav V. Kosakovsky, e-mail: foregekom@gmail.com

Elena V. Beloglazova, SPIN: 4851-1850, Scopus AuthorID: 57202383153, ORCID: 0000-0002-0267-9614, e-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

For citation: Kosakovsky, S. V., Beloglazova, E. V. (2025) Category of the author as the central piece of the didactic podcast genre profile. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 7, no. 1, pp. 19–26. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-19-26> EDN TSSUHW

Received 21 March 2025; reviewed 12 May 2025; accepted 12 May 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © S. V. Kosakovsky, E. V. Beloglazova (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The paper focuses on the textual category of the author representing one of the text's anthropocenters. We depart from the thesis that author functions as a supercategory defining the categorial profile of a particular genre by virtue of its being intertwined with various other standards of textuality. The relevance of the research is justified by considerable emphasis within modern text linguistics on the study of textual categories as the basis for identification and delineation of various genres and types of discourses. However, in spite of the large-scale research, the hierarchy and nomenclature of textual categories are still not unified. The paper aims at analyzing how the category in focus is construed by the innovative genre of didactic podcast, which has taken shape at the intersection of media discourse, didactic discourse and the scientific discourse. The didactic podcast for the learners of the English language "English Learning for Curious Minds" serves as the empirical basis for the study. The research has revealed five main markers of the category of the author, including both typical and genre-specific ones. To the former we ascribe the means of the author's selfpositioning and self-identification with the help of personal and possessive pronouns of first and second person singular. The latter, resulting in a specific profile of the genre under study, include, firstly, minimizing the distance from the addressee through colloquialisms, slang and discourse markers; secondly, expressivity revealing itself in expressive phrases, metaphors, idioms, similes and epithets; thirdly, intensification by means of intensifiers, lexical repetitions and parallel constructions; fourthly, affecting the addressee, shaping them, it being the main goal of didactic discourse, achieved with the help of hyperbole, modal means and hedging.

Keywords: category of author, textuality, genre profile, language representation, didactic podcast

Введение

Категории текста и стандарты текстуальности находятся в фокусе исследовательского внимания уже несколько десятилетий. Однако, несмотря на интенсивное изучение, их иерархия и номенклатура до сих пор не унифицированы; также нет и окончательного ответа на вопрос о средствах их конструирования. Эта парадоксальная ситуация имеет, на наш взгляд, несколько причин. Первую из них обрисовывает Т. В. Матвеева, обращая внимание на то, что текстовая категория в целом представляет собой абстракцию. Обосновывая бесперспективность анализа категорий на уровне языка в целом, исследовательница отмечает, что при таком подходе «текстовой структурный инвариант оказывается настолько беден и гол, что его определение теряет всякий смысл», поскольку «текстовые категории имеют функционально-стилевую специфику» (Матвеева 1990, 10). Таким образом, об инвариантах категории можно обоснованно

судить лишь на базе описания вариантов, т. е. после накопления результатов исследования как минимум основных жанров.

Другим фактором, затрудняющим выработку представлений об инвариантных текстовых категориях, является подвижность жанрово-стилевого континуума под влиянием процессов конвергенции и дивергенции (Левенкова 2011).

Отмеченные факторы обуславливают актуальность данного исследования, посвященного изучению языковой реализации категории автора в дидактическом подкасте.

Подкаст — инновационный жанр, автономизировавшийся в зоне пересечения нескольких дискурсов: медиадискурса, дидактического дискурса и специально-научного дискурса. Безусловно демонстрируя общетекстовые свойства, а также черты родительских жанров (в частности, радиопередачи, лекции), подкаст выработал уникальные характеристики, обусловившие его востребованность у широкой аудитории.

Как отмечает Т. В. Матвеева, даже в пределах одного функционального стиля жанры различаются «качественной реализацией категорий в рамках единой категориальной схемы» (Матвеева 1996, 218).

Представляется, что одной из доминант, задающих конфигурацию «категориальной схемы» жанра дидактического подкаста, является категория автора. Образ автора и находится в фокусе настоящего исследования, направленного на выявление лингвистических средств, задействованных в его конструировании, которые могут носить как типовой, так и жанро-специфический характер.

Материал и методы исследования

В ходе проведения исследования используется совокупность общенаучных методов и методов лингвистического анализа. Среди общенаучных методов следует выделить метод анализа, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод обобщения и метод классификации, которые позволяют проанализировать научную литературу и выделить наиболее значимые текстовые категории и маркеры их проявления в разных текстах, включая тексты подкастов. Среди методов лингвистического анализа используются метод лексического анализа, метод стилистического анализа и метод синтаксического анализа, позволяющие провести комплексный анализ языкового воплощения текстовых категорий автора в подкасте.

Эмпирическая база для исследования собрана методом сплошной выборки. Материалом для исследования послужили семь эпизодов дидактического подкаста для изучающих английский язык «*English Learning For Curious Minds*», автор которого — носитель английского языка Аластер Бадж (Alastair Budge), увлекающийся языками и преподающий английский язык своим слушателям. Выбранный подкаст относится к дидактическому дискурсу, поскольку направлен на непринужденное обучение английскому языку.

Результаты и обсуждение

В современной лингвистике один из наиболее дискуссионных вопросов посвящен выделению текстовых категорий, их номенклатуре и иерархии. Множество ученых, работающих в области теории и стилистики текста (Бабенко, Казарин 2005; Болотнова 2023; Гальперин 2020), выделяют каждый свою систему текстовых категорий,

применяя их к текстам разнообразных функциональных стилей, жанров и типов дискурса. При всей вариативности предлагаемых исследователями конфигураций признаков текста инвариантным ядром текстуальности предстают категории, коррелирующие с антропоцентрами текста. В рассматриваемом нами жанре они представлены категорией автора и категорией адресата.

Фиксируемый в данной статье образ автора можно рассматривать как надкатеорию, определяющую воплощение иных категорий, тесную связь с которыми отмечают многие исследователи, акцентирующие внимание на взаимодействии между категориями автора и персонажа/адресата в рамках текстовой категории целостности (Бабенко, Казарин 2005); автора и адресата в рамках категории диалогичности (Болотнова 2023); автора и членимости текста (Гальперин 2020).

Следует особо подчеркнуть, что образ автора значим при рассуждении об отнесенности того или иного текста (в нашем случае подкаста) к определенным функциональным стилям, жанрам или типам дискурса. Так, принадлежность текста к функциональному стилю обусловлена, помимо типовых черт, индивидуальностью образа автора (Кожина и др. 2020). При изучении дискурса учитываются индивидуальные особенности автора — составителя текста и триединство создания текста, включающее текст, его автора и адресата (ван Дейк 2015).

В дидактическом дискурсе и жанре подкаста, под которым сегодня понимается сериальная совокупность аудио-, видео- или текстовых файлов на одну тему, транслируемая при помощи подкастинговых сервисов, образ автора проявляется в категории субъективности, которая представляет собой выражение индивидуального мнения автора по определенной проблеме, а также проявляется среди жанрообразующих признаков подкаста как речевого жанра (Шушарина, Шушарин 2023).

Рассмотрим, как конструируется категория автора в рассматриваемом жанре.

Первый маркер категории автора в подкасте «*English Learning for Curious Minds*» — **позиционирование и идентификация «Я» автора**. В настоящее время выделяется два типа подкастов: построенные на основе повествования (повествовательный подкаст) и построенные на основе обсуждения (дискуссионный подкаст) (Сажина, Муравьева 2021). Анализируемый подкаст относится к повествовательному типу. Повествование от первого лица является одним из главных показателей позиционирования

автором собственного «Я». Автор выступает как единоличный ведущий, несмотря на присутствие в подкасте дополнительных лиц для его записи (редактора, звукорежиссера). Маркер текстовой категории автора реализуется с помощью языковых средств — личных и притяжательных местоимений первого лица единственного числа:

(1) “*And in part two, I’ll go a lot deeper <...>*” (English Learning for Curious Minds 2025).

Интерактивность, диалогичность и адресованность подкаста приводят к тому, что на фоне повествования автора от первого лица проявляются языковые маркеры пересечения образа автора с образом адресата — слушателя, а именно слияние личных местоимений первого и второго лица в узком контексте:

(2) “*So if I were you, I wouldn’t waste my time*” (English Learning for Curious Minds 2025).

Пересечение образа автора и образа адресата как текстовых категорий подкаста связано с жанровой характеристикой подкастинга — интерактивностью, которая обуславливает непосредственное взаимодействие автора с аудиторией и возможность аудитории комментировать или даже предлагать темы для последующих эпизодов подкаста (Шушарина, Шушарин 2023).

Вторым маркером образа автора подкаста «English Learning for Curious Minds» является **сближенность с адресатом с целью воздействия на него**. Этот маркер демонстрирует большую значимость для автора подкаста быть со слушателем «на одной волне», чтобы сделать изучение английского языка его аудиторией более непринужденным и похожим на дружескую беседу. Языковой реализацией сближенности с адресатом выступает сниженная лексика (коллоквиализмы, сленг) и дискурсивные маркеры.

Разговорная лексика обслуживает, как правило, разговорную речь, которая представляет собой разновидность устной литературной речи, выполняющей функцию общения и воздействия в обиходно-бытовом общении, но вне разговорных стилей речи является реализацией эстетической функции языка (Бабенко, Казарин 2005, 254):

(3) “*<...> let’s get cracking*” (English Learning for Curious Minds 2025).

Выделенная в высказывании автора фраза — это идиоматическое выражение с разговорной окраской, которое в словарях фиксируется с по-

метой «informal» (Oxford Dictionary of English... 2025).

(4) “*<...> that is a surefire way of staying motivated*” (English Learning for Curious Minds 2025).

В контексте № 4 отметим употребление разговорной лексики для отражения значения «certain to succeed» («гарантированный») (Oxford Dictionary of English... 2025).

Если разговорная лексика более приближена к нейтральному пласту лексики английского языка, то сленг, который иногда проявляется в содержании подкаста «English Learning for Curious Minds», является более сниженным способом выражения мыслей автора. Так, в примере № 5 употреблен сленгизм *stag do*, относящийся к молодежному сленгу и отражающий значение «мальчишник»: ‘a celebration held for a man who is about to get married, attended only by men’ (Oxford Dictionary of English... 2025). Используя эту лексику, автор подкаста подтверждает свою принадлежность не только к учителям, но и к студентам:

(5) “*<...> it (Malta) had become a destination for British stag dos*” (English Learning for Curious Minds 2025)

Отличительным языковым способом реализации маркера сближенности с адресатом является введение дискурсивных маркеров, которые в большом количестве используются в каждом эпизоде подкаста. Среди наиболее «излюбленных» автором подкаста «English Learning for Curious Minds» выделим *OK then, well, now* и *OK, so*.

Третьим маркером категории автора в подкасте «English Learning for Curious Minds» выступает **экспрессивность**. Главная функция экспрессивности заключается в усилении воздействия на эмоциональную, интеллектуальную и волевую сферы личности адресата за счет выразительности и образности использованных автором средств (Болотнова 2023, 74). В анализируемом дидактическом подкасте экспрессивность используемых лексем необходима для воодушевления слушателей, что приведет к повышению эффективности, а, следовательно, и рейтинга подкаста среди изучающих английский язык. Приведем несколько примеров экспрессивных выражений в подкасте:

(6) “*<...> the most useful vocabulary for you depends on, surprise surprise, you*” (English Learning for Curious Minds 2025).

В примере № 6 экспрессивность проявляется в повторении эмоциональной лексики *surprise* в пределах вставной конструкции. Прослушивание этого фрагмента передачи вызывает у слушателя неподдельный интерес к возможностям подкаста в области изучения английского языка (а именно возможность самостоятельно выбирать тему эпизодов для изучения лексики, исходя из интересов аудитории).

(7) “*I’m sorry but I must **disappoint** you*” (English Learning for Curious Minds 2025).

В примере № 7 экспрессивность, которая имеет отрицательный полюс, реализуется посредством лексем с негативной окраской *sorry*, *disappoint*. Эти лексемы используются автором с целью показать нетривиальность историй, рассказанных в некоторых эпизодах подкаста.

Категория экспрессивности, проявляемая в подкасте, граничит с категорией образности, которая представлена в лингвистике в широком смысле как иносказательность и метафоричность, в более узком смысле — как образный компонент в значении слова, который обозначает закрепленный за знаком обобщенный, чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета (Бабенко, Казарин 2005, 44). Образность как маркер образа автора задействуется в подкасте с тем, чтобы привлечь внимание слушателей к иносказательным конструкциям английского языка. Языковая реализация образности и иносказательности проявляется в виде использования автором стилистических приемов выразительности с целью повысить красочность речи изучающих английский язык слушателей.

Маркер образности и иносказательности находит языковое воплощение в метафорах, идиомах, сравнениях и эпитетах.

Метафора, представляющая собой использование двупланового переносного значения слова или словосочетания (Гальперин 2016, 125), в рамках подкаста характеризуется повторяемостью. Так, одной из сквозных метафор автора подкаста является метафора «обучение — это приключение»:

(8a) “*I can take you on **a bit of a journey** through the history*” (English Learning for Curious Minds 2025);

(8б) “*language learning journey*” (English Learning for Curious Minds 2025).

Не менее часто распространена в подкасте «English Learning for Curious Minds» военная метафора, которая позволяет автору подкаста

сравнить изучение иностранного языка с борьбой с многочисленными трудностями, встающими перед обучающимися:

(9a) “...*staying motivated, which is **half the battle with language learning***” (English Learning for Curious Minds 2025);

(9б) “*words that you might **struggle to pronounce***” (English Learning for Curious Minds 2025).

Идиоматические выражения, или фразеологизмы, представляющие собой одно из ярких средств выразительности и иносказательности за счет неделимого образного значения их компонентов (Кожина и др. 2020, 237), создают неоднозначное, образное, иносказательное повествование. В качестве примеров использованных автором подкаста фразеологизмов можно привести *how the sausage is made* (буквально: ‘как делается колбаса’, т. е. неизвестно большей части людей), *to pay the bills* (буквально: ‘платить по счетам’, т. е. кормить семью, зарабатывать на жизнь), *twists and turns* (‘все углы и закоулки’, т. е. детали), *play things by ear* (буквально: ‘играть на слух’, т. е. действовать по обстоятельствам).

Сравнения, являющиеся стилистическим приемом, основанным на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления (Гальперин 2016, 167), позволяют сравнить изучающих английский язык и слушателей подкаста с типизированными персонажами англоязычной культуры:

(10) “<...> *he spoke **like an upper-class English gentleman***” (English Learning for Curious Minds 2025).

Языковая реализация экспрессивности как текстовой категории подкастинга заключается в использовании автором образных и эмоционально-оценочных прилагательных, вовлекающих эмоции и чувства слушателей и повышающих их интерес к прослушиванию подкастов. В лингвистической литературе эпитет осмысливается как лексико-синтаксический троп, выполняющий функцию определения (либо, в отдельных случаях, функцию обстоятельства и обращения). Его главными характеристиками могут быть названы переносный характер выражающего его слова и обязательное наличие эмотивных или экспрессивных коннотаций, благодаря которым выражается отношение автора к предмету речи (Арнольд 2002, 68). Наиболее частотные эпитеты, повторяющиеся на протяжении каждого выпуска анализируемого подкаста: *wonderful things / topics / stories*,

weird things / topics / stories, fascinating stories / episodes, amazing work / story / tale / member / you / lady, excellent way / results / opportunities.

Четвертым маркером категории автора подкаста «English Learning for Curious Minds» следует отметить **воздействие на адресата**. Воздействие осуществляется с целью усиления собственной точки зрения автора, мотивации слушателей подкаста на изучение английского языка.

Воздействующую и интенсифицирующую функцию выполняет, прежде всего, гипербола — одна из характерных черт образа автора подкаста. В стилистике английского языка гипербола изучается как художественный прием преувеличения, которое представляется реципиенту сомнительным или невероятным (Гальперин 2016, 51). В подкасте «English Learning for Curious Minds» гипербола обычно выступает в виде количественного преувеличения, которое в языковом аспекте представлено числительными. Например: “<...> *learning is 100 times easier if you are actually engaged*” (English Learning for Curious Minds 2025).

Языковая реализация воздействия на адресата проявляется также в модальных средствах. Модальность выносится некоторыми учеными, например И. Р. Гальпериным, в самостоятельную текстовую категорию и определяется как субъективное отношение автора к сказанному, а также как отношение с точки зрения реальности/нереальности, вынужденности, возможности и т. п. (Гальперин 2020). Языковыми средствами реализации маркера модальности являются, прежде всего, модальные глаголы, модальные слова и слова с модальным значением. Круг значений модальности обычно очень широкий и включает в себя реальность/ирреальность, возможность/намерение/необходимость, достоверность/вероятность, вопрос/утверждение/побуждение и другие подкатегории (Кожина и др. 2020).

В подкасте «English Learning for Curious Minds» в образе автора реализуется, как правило, абсолютная уверенность в сказанном за счет модальных слов и глаголов:

(11) “*I’m confident you will see excellent results*” (English Learning for Curious Minds 2025)

Отличительное модальное средство в подкасте — хеджирование: автор подкаста стремится скорее не показать неуверенность в полном смысле слова, а уйти от навязывания своего мнения, что можно связать с проявлениями вежливости в подкасте. Хеджирование

проявляется в использовании модального вводного слова *perhaps*, модального глагола *might*, модального глагола *shouldn’t*, лексемы *maybe*, наречия *sure* и других:

(12) “<...> *and perhaps, just perhaps, we’ll be able to answer the question <...>*” (English Learning for Curious Minds 2025).

Отмеченное выше хеджирование в определенной мере уравнивается и компенсируется **интенсивностью** — пятым и заключительным маркером категории автора в подкасте «English Learning for Curious Minds». Под интенсивностью понимается «напряженность, подчеркнутая энергия, семантика чрезмерности, обеспечивающие воздействующую силу языковых единиц» (Матвеева 2010, 129).

Главным языковым средством, реализующим маркер интенсификации, является интенсификатор — регулятивное средство, которое в лингвистике изучается с позиций семантической категории интенсивности и определяются как средство создания неординарной степени интенсивности (Болотнова 2023, 389). В качестве интенсификаторов в подкасте «English Learning for Curious Minds» с целью воздействия на адресата используются лексемы (чаще всего наречия) с усилительными значением, такие как *significantly, abundantly, incredibly, super, actually, absolutely, blindingly, extra, completely, absolutely, quite, really, strongly, immediately* и другие:

(13) “<...> *these resources are incredibly helpful, <...> a crucial part of going from passive consumption to active learning*” (English Learning for Curious Minds 2025).

Маркер интенсивности в подкасте «English Learning for Curious Minds» находит языковую реализацию в разных видах повторов. Во-первых, следует выделить лексический повтор, т. е. повтор лексических единиц в узком контексте (Арнольд 2002, 130):

(14) “<...> *I’m a huge proponent, a huge believer*” (English Learning for Curious Minds 2025).

Лексический повтор позволяет автору подкаста привлечь внимание адресата к определенной части подкаста, а также реализовать эффатическое выделение повторяемых слов.

Во-вторых, следует выделить параллелизмы — следующие друг за другом предложения или части предложений, которые построены однотипно (Гальперин 2016, 233):

(15) "We'll start by talking about **how** to use them **to improve** your listening, then we'll talk about **how** to **improve** your vocabulary, we'll then move on to **how** to **improve** your speaking with podcasts" (English Learning for Curious Minds 2025).

Параллелизм конструкций выполняет те же функции, что и лексический повтор, рассмотренный выше, но имеет большую эмфатическую силу в связи с большим объемом повторяющихся элементов, что привлекает соответственно большее внимание адресата.

Заключение

Суммируя изложенные выше наблюдения, мы хотели бы вернуться к предположению о том, что образ автора в исследуемом инновационном жанре реализуется как типовыми, так и специфическими средствами и приемами.

Так, к типовым средствам реализации категории автора, безусловно, относятся средства его непосредственной самоидентификации.

К специфическим, формирующим особый профиль исследуемого жанра следует отнести, во-первых, сближение с адресатом; во-вторых, экспрессивность с целью воздействия; в-третьих,

интенсификацию; в-четвертых, воздействие на адресата, что является главной целью автора дидактического подкаста.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Белоглазова Е. В.: общая концепция исследования, введение в статью, итоговая корректура текста.

Косаковский С. В.: основной текст статьи.

Author Contributions

Beloglazova E. General design of the study, the text of the introduction, final editing.

Kosakovskiy S. Main part of the paper.

Словари

Матвеева, Т. В. (2010) *Полный словарь лингвистических терминов*. Ростов-на-Дону: Феникс, 562 с.
Oxford Dictionary of English. Version 2.3.0 (268). (2025). [S. l.]: Oxford University Press. [Online]. Available at: <https://apps.apple.com/ru/app/oxford-dictionary-of-english/id394337484> (accessed 08.02.2025).

Литература

- Арнольд, И. В. (2002) *Стилистика. Современный английский язык*. 5-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 384 с.
- Бабенко, Л. Г., Казарин, Ю. В. (2005) *Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика*. 3-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 495 с.
- Болотнова, Н. С. (2023) *Филологический анализ текста*. 7-е изд. М.: URSS, 520 с.
- Ван Дейк, Т. А. (2015) *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Ленанд, 320 с.
- Гальперин, И. Р. (2016) *Очерки по стилистике английского языка*. М.: Либроком, 376 с.
- Гальперин, И. Р. (2020) *Текст как объект лингвистического исследования*. М.: URSS, 144 с.
- Кожина, М. Н., Дускаева, Л. Р., Салимовский, В. А. (2020) *Стилистика русского языка*. 7-е изд. М.: URSS, 464 с.
- Левенкова, Е. Р. (2011) *Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук*. Самара, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 41 с.
- Матвеева, Т. В. (1990) *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 172 с.
- Матвеева, Т. В. (1996) Тональность разговорного текста: три способа описания. В кн.: *Stylistyka*. Т. V. Ополе: Университет Ополе, с. 210–221.
- Сажина, Е. В., Муравьева, А. А. (2021) Жанр «подкаст» в пространстве интернет-дискурса. В кн.: М. Н. Левченко (ред.). *Актуальные вопросы современной лингвистики: материалы VIII Региональной научно-практической конференции (с международным участием) к 90-летию МГОУ*. М.: Изд-во МГОУ, с. 56–60.
- Шушарина, Г. А., Шушарин, Н. С. (2023) Подкаст как современный речевой жанр. *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*, № 4 (68), с. 26–30.

Sources

English Learning for Curious Minds. (2025) [Online]. Available at: <https://www.leonardoenglish.com/> (accessed 08.02.2025). (In English)

Dictionaries

Matveeva, T. V. (2010) *Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov [Complete Dictionary of Linguistic Terms]*. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 562 p. (In Russian)

Oxford Dictionary of English. Version 2.3.0 (268). (2025). [S. l.]: Oxford University Press. [Online]. Available at: <https://apps.apple.com/ru/app/oxford-dictionary-of-english/id394337484> (accessed 08.02.2025). (In English)

References

- Arnold, I. V. (2002) *Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk [Stylistics. The Modern English Language]*. 5th ed., rev. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 384 p. (In Russian)
- Babenko, L. G., Kazarin, Yu. V. (2005) *Lingvisticheskij analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika [Linguistic Analysis of Literary Text. Theory and Practice]*. 3rd ed., rev. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 495 p. (In Russian)
- Bolotnova, N. S. (2023) *Filologicheskij analiz teksta [Philological Text Analysis]*. 7th ed. Moscow: URSS Publ., 520 p. (In Russian)
- Galperin, I. R. (2016) *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka [Remarks on the Stylistics of the English Language]*. Moscow: Librokom Publ., 376 p. (In Russian)
- Galperin, I. R. (2020) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an Object of Linguistic Study]*. Moscow: URSS Publ., 144 p. (In Russian)
- Van Dijk, T. A. (2015) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Learning. Communication]*. Moscow: Lenand Publ., 320 p. (In Russian)
- Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovskij, V. A. (2020) *Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian Language]*. 7th ed. Moscow: URSS, 464 p. (In Russian)
- Levenkova, E. R. (2011) *Konvergentnye i divergentnye tendentsii v politicheskom diskurse Velikobritanii i SShA [Convergence and Divergence Trends in the Political Discourse of GB and USA]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Samara, Volga State Social-Humanitarian Academy, 41 p. (In Russian)
- Matveeva, T. V. (1990) *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorij [Functional Styles in the Light of Text Categories]*. Sverdlovsk: Ural State University Publ., 172 p. (In Russian)
- Matveeva, T. V. (1996) Tonal'nost' razgovornogo teksta: tri sposoba opisaniya [The tonality of the colloquial text: three methods of description]. In: *Stylistika. T. 5 [Stylistics. Vol. V]*. Opole: Opole University Publ., pp. 210–221. (In Russian)
- Sazhina, E. V., Muraveva, A. A. (2021) Zhanr "podcast" v prostranstve internet-diskursa [Genre of podcast in the Internet discourse space]. In: M. N. Levchenko (ed.). *Aktual'nye voprosy sovremennoj lingvistiki: materialy VIII Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) k 90-letiyu MGOU [Topical Issues of Modern Linguistics: Proceedings of the VIII Regional Scientific and Practical Conference (with international participation) for the 90th anniversary of the Moscow Region State University]*. Moscow: Moscow Region State University Publ., pp. 56–60. (In Russian)
- Shusharina, G. A., Shusharin, N. S. (2023) Podkast kak sovremennyy rechevoj zhanr [Podcast as a modern speech genre]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 4 (68), pp. 26–30. (In Russian)

УДК 81-26

EDN IURIMZ

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-27-36>

Конвенции речевого поведения в англоязычных лингвистических играх

М. С. Фокина ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Мария Сергеевна Фокина,
SPIN-код: 8984-5025, ORCID:
0000-0003-1790-9416, e-mail:
aivengomag@gmail.com

Для цитирования:

Фокина, М. С. (2025)
Конвенции речевого поведения
в англоязычных лингвистических
играх. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 7, № 1, с. 27–36.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-27-36> EDN IURIMZ

Получена 13 апреля 2025; прошла
рецензирование 24 апреля 2025;
принята 24 апреля 2025.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © М. С. Фокина (2025).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье исследованы конвенции речевого поведения в англоязычных коммуникативных лингвистических играх. Моделируемая в игре коммуникация отличается от повседневной наличием регулируемых условий и строгим алгоритмом, заданным игровыми правилами. Воспроизводимость результатов игры и контролируемость игрового процесса позволяют сравнить лингвистические игры с экспериментом, стимулирующим метаязыковую рефлексия носителя языка над закономерностями функционирования языка и речи. В фокус внимания статьи попадают коммуникативные конвенции, изложенные в расширенной теории речевых актов. Принципы кооперации, информированности и вежливости, обеспечивающие успешность речевого взаимодействия в обыденной коммуникации, искажаются и преломляются в соответствии с условиями лингвистических игр. Анализ речевых актов в коммуникативных лингвистических играх показывает, что динамика применения параметров кооперации, информированности и вежливости характеризуется обратной зависимостью. Повышение или абсолютизация одного из принципов ведет к понижению или нейтрализации другого. Речевое поведение игроков свидетельствует о таких конструктивных особенностях лингвистических игр, как апелляция к фольклорным традициям, стимулирование стратегий негативной вежливости, смещение критериев «истинности» и «ложности» в сторону «правдоподобности» и «неправдоподобности». Делается вывод о том, что эксплуатация коммуникативных конвенций в лингвистических играх повышает метаязыковую рефлексия носителя языка, с одной стороны, над семиотическими свойствами конечности, динамичности и открытости знаковой системы, с другой стороны, над речевыми свойствами рекурсивности, майевтичности и контекстуальной обусловленности. Метаязыковые комментарии игроков позволяют установить, что потенциальной единицей языкового мышления служит «коммуникативный фрагмент» как стационарная частица языкового опыта, используемая в создании и интерпретации высказываний.

Ключевые слова: рекреационная лингвистика, лингвистические игры, теория речевых актов, коммуникативные конвенции, метаязыковая рефлексия

Conventions of speech behavior in English language games

M. S. Fokina ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Maria S. Fokina, SPIN: 8984-5025,
ORCID: 0000-0003-1790-9416,
e-mail: aivengomag@gmail.com

For citation: Fokina, M. S. (2025)
Conventions of speech behavior
in English language games. *Language
Studies and Modern Humanities*,
vol. 7, no. 1, pp. 27–36.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-27-36> EDN IURIMZ

Received 13 April 2025; reviewed
24 April 2025; accepted 24 April 2025.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © M. S. Fokina (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. The article is devoted to the study of conventions of speech behavior in communicative English language games. The communication modeled in the game differs from everyday interaction in managed conditions and strict algorithms prescribed by the game rules. Reproducibility of the game results and management of the game process allow to define a language game as an experiment stimulating the native speaker's metalanguage reflection on the patterns of language and speech functioning. The article focuses on the communicative conventions expounded in the extended theory of speech acts. The principles of cooperation, awareness, and politeness that ensure the success of speech interaction in everyday communication are distorted and refracted in accordance with the conditions of language games. Analysis of speech acts in communicative language games shows that the dynamics of the application of the maxims of cooperation, awareness, and politeness is characterized by an inverse negative relationship. An amplification or absolutization of one of the principles leads to a reduction or neutralization of the other. The speech behavior of the players testifies to such constructive features of linguistic games as an appeal to folklore traditions, stimulation of negative politeness strategies, shifting the criteria of "truth" and "falsity" towards "plausibility" and "implausibility". It is concluded that the exploitation of communicative conventions in language games increases the metalanguage reflection of the native speaker; on the one hand, on the semiotic properties of finitude, dynamism, and openness of the sign system, on the other hand, on the speech properties of recursivity, maieuticity and contextual determinacy. The metalanguage comments of the players allow to establish that the potential unit of language thinking is the "communicative fragment" as a stationary particle of language experience used in the creation and interpretation of statements.

Keywords: recreational linguistics, language games, theory of speech act, principles of communication, metalanguage reflection

Введение

Лингвистические игры представляют собой форму интеллектуального досуга, прочно закрепившуюся в игровой культуре англоговорящих стран. Популяризованные в викторианскую эпоху традиционные «комнатные игры» (*'parlour games'*), такие как шарады, викторины и словесные головоломки, в настоящие дни постепенно вытесняются компьютерными аналогами, однако не перестают вызывать интерес как у обычных пользователей языка, так и у профессиональных лингвистов. Об этом свидетельствуют многолетняя история медиа трансляций лингвистических игр (уже более полувека радио BBC выпускает в эфир коммуникативную игру-импровизацию *Just a Minute*), объемный разнообразный материал справочников по истории и организации лингвистического досуга (от издания *Gleanings for the Curious* Ч. Бомбо (Bombaugh 1890) о литературных загадках до книги головоломок о Д. Траппе (Nelson 2025)), инсти-

туционализация любительских обществ (создание *National Puzzlers' League* — 'Национальной лиги головоломок' в 1883 г.), возникновение направления рекреационной лингвистики (логологии) в 1960-х гг. под руководством Д. Боргманна (Borgmann 1965), Р. Эклера (Eckler 1979) и У. Эспи (Espy 1972), занимавшихся составлением и систематизацией игр со словами, а также использование лингвистических игр в качестве заданий лингвистических олимпиад (лингвистические задачи А. А. Зализняка (Зализняк 2018), кроссворды Герценовской олимпиады школьников по иностранным языкам (Алексеева и др. 2024)).

Несмотря на то что лингвистические игры известны со времен античности и являются органичной частью языкового существования человека, их материал не попадал в фокус внимания лингвистической науки вплоть до второй половины XX в. Лингвистические игры рассматривались через призму литературного творчества (Бахтин 2021; Бонч-Осмоловская 2009;

Wakeling 1992), как средство создания каламбура (Земская 1983; Норман 2024), в свете теории лудического речевого поведения (Каргаполова 2007; Crystal 2001), а также в контексте лингводидактики (Дьякова, Сашина 2018; Mollica 2015). Указанные направления исследований сконцентрированы на лингвокреативной, комической, лудической и дидактических функциях лингвистических игр. В то же время лингвистические головоломки обладают значительным познавательным потенциалом и могут быть использованы как средство повышения метаязыковой рефлексии, т. е. выполнять метаязыковую функцию (Гаспаров 1996; Голев 2009; Якобсон 1975).

В ходе разрешения головоломки носитель языка обращается к своему индивидуальному языковому опыту, активизирует представления о закономерностях функционирования системы языка и речи, которые могут пересекаться с научной или наивной языковой картиной мира, а также комбинировать их черты (Арутюнова 2000; Зализняк 2009). Семиотическая или коммуникативная трудность, смоделированная в игре, в свою очередь, является результатом рефлексии составителя игры — конкретной языковой личности или целого коллектива. В то время как достаточно полно изучены общие принципы игрового конструирования (Кудашов 2018; Sutton-Smith 2001), определены некоторые семиотические принципы организации лингвистических игр (Любич 1998), конструктивные особенности коммуникативных лингвистических игр остаются лакуной научного описания.

Настоящее исследование посвящено изучению конвенций речевого взаимодействия, реализуемых в лингвистических играх. Цель исследования заключается, во-первых, в определении динамики соблюдения принципов коммуникации, предусмотренных расширенной теорией речевых актов; во-вторых, в выявлении закономерностей функционирования системы языка и речи, на которые обращена метаязыковая рефлексия носителя языка во время разрешения игровой трудности.

Материалом исследования выступают текстовые и аудиовизуальные образцы лингвистических игр, представленные в специализированных справочниках (Eiss 1986; Parlett 1981; Shipley 1966) и записях телепередач (Call My Bluff... 1994).

Конвенции речевого поведения в лингвистических играх

Стандартная теория речевых актов, разработанная Дж. Остином (Остин 1986), Дж. Сер-

лем (Серль 1986) и П. Ф. Стросоном (Стросон 1986), описывает речевой акт как триединство говорения (локуции), коммуникативной цели (иллокуции) и воздействия на собеседника (перлокуции). В соответствии с теорией в исследовании коммуникативными лингвистическими играми признаются игры, отвечающие следующим параметрам: 1) основным материалом игры выступает устная или письменная речь; 2) участники демонстрируют коммуникативное намерение, обусловленное игровыми правилами; 3) результат игры представляет устное или письменное речевое произведение, воздействующее на одного или нескольких участников коммуникации. Следует отметить, что лингвистические игры могут в большей или меньшей степени соответствовать параметрам «коммуникативности». Так, игры в ведение дискуссии имеют более коммуникативный характер, чем игры в составление текста путем поочередного названия слов.

Расширенная теория речевых актов конкретизирует коммуникативные конвенции и проводит их классификацию в виде принципа кооперации Г. Грайса (Грайс 1985), принципа информированности К. Кларка и Т. Карлсона (Кларк, Карлсон 1986), принципа вежливости Дж. Лича (Leach 1983), сопровождаемого теорией позитивной и негативной вежливости П. Браун и С. Левинсона (Brown, Levinson 1987). Принципы коммуникации составляют так называемый коммуникативный кодекс (Гринева 2018), вбирающий в себя систему принципов и конвенций организации межличностной риторики и учитывающий статусные роли коммуникантов. Принципы кооперации и вежливости конкретизируются рядом максим (постулатов), определяющих коммуникативный вклад говорящих в достижение целей коммуникации (по Г. Грайсу, максимы количества, качества, отношения и способа (Грайс 1985, 222–223)), а также речевыми приемами проявления вежливости (по Дж. Личу, максимы такта, вежливости, одобрения, скромности, согласия, симпатии (Leach 1983, 132)). Принцип информированности К. Кларка и Т. Карлсона, гласящий, что все участники общения должны иметь равный доступ к информации, реализуется в частных принципах включения, равновозможности и индивидуального распознавания, устанавливающих способы обращения к непосредственным и сторонним участникам общения (Кларк, Карлсон 1986, 295–301). Теория Браун — Левинсона описывает стратегии позитивной и негативной вежливости, используемые говорящими, намеревающимися совершить явный или неявный

«ликоугрожающий» («ликоущемляющий») акт по отношению к «позитивному лицу» собеседника, т. е. угрожать его желанию снискать симпатию, одобрение и уважение со стороны общества, или же «негативному» — подавлять независимость, самостоятельность и свободу воли адресата (Гофман 2009, 19–21; Brown, Levinson 1987, 65–68). Положения коммуникативного кодекса продолжают развиваться в контексте выделения критериев успешности речевого акта (Остроумова 2007) и стратегий межличностного взаимодействия (Космодемьянская и др. 2023). Указанные коммуникативные конвенции не имеют абсолютного характера, поскольку участники общения избирают стратегии и тактики коммуникации в зависимости от намерения (явного или скрытого), а также под давлением обстановки (формальной или неформальной) и социальных факторов (параметры возраста, авторитета, социальной дистанции). Коммуникативный кодекс не существует в сознании индивида в виде дискретных законов, которых необходимо строго придерживаться. В ходе повседневного речевого взаимодействия принципы коммуникации соблюдаются не в полной мере, а в некоторых случаях не соблюдаются вовсе.

Речевое поведение участников коммуникативных лингвистических игр регламентируется, с одной стороны, формальными правилами, изложенными в кодексе «Национальной лиги головоломок», старейшего и крупнейшего объединения любителей лингвистических игр: «Уважайте национально-культурную принадлежность, соблюдайте социальную дистанцию, проявляйте тактичность, следите за своей речью и соблюдайте правила игры» (Code of Conduct... 2025) (перевод мой. — М. С.). Однако этот кодекс существует весьма обособленно от основной массы носителей английского языка, не являющихся членами организации и желающих провести время за коммуникативной игрой в тесном кругу друзей или на публичном мероприятии. Вместе с тем на коммуникацию игроков влияет национальный культурный обычай (по М. В. Цветковой, социально-регулятивный концепт (Цветкова 2001, 87)) *fair play* — ‘правила честной игры’. Игра по правилам подчеркивает важность соблюдения этики, незыблемость джентельменского соглашения, здравого смысла, равновесия, ответственности и милосердия. В лингвистической игре конгломерат социально-культурных установок вступает во взаимодействие с игровыми правилами — неким алгоритмом, в соответствии с которым моделируется речевое поведение участников.

Конструирование лингвистических игр по принципу отклонения от коммуникативных конвенций

Зафиксированные в текстовой и аудиовизуальной форме лингвистические игры показывают, что моделируемая в ходе игрового взаимодействия коммуникация строится по принципу отклонения от тех или иных коммуникативных конвенций. Пренебрежение одним из принципов коммуникации абсолютизирует значимость другого принципа и выдвигает его на передний план. Смещение фокуса внимания можно представить в виде моделей взаимозависимых шкал кооперации, информированности и вежливости.

Модель «Понижение шкалы кооперации — повышение шкалы информированности — нейтрализация шкалы вежливости» реализуется в игре *Endless Tales* (‘Бесконечные истории’). Суть игры состоит в том, чтобы на протяжении как можно более длительного времени удерживать внимание слушателей циклическим повествованием по типу *shaggy dog stories* (‘историй о лохматой собаке’), популярного в 1930-х гг. юмористического жанра. Классическая история начинается со вступления: “*It was a dark and stormy night...*”, — и постепенно обрастает деталями о месте и героях повествования. В момент нарастания напряжения структура истории прерывается и возвращается к своему началу, так и не достигнув кульминации и развязки. Хрестоматийный пример «бесконечной истории» приводит Дж. Шипли:

It was a dark and stormy night. The wind howled outside, the rain dashed against the windows. We were huddled around the fire when a loud knock startled us. In came Uncle John. He shook off his raincoat, rubbed his hands together before the fire, and said, “I’ve just seen a ghost!” “Tell us, Uncle John!” we cried. And he began: “It was a dark and stormy night. The wind howled <...>” (Shepley 1966, 170)

[Наступила темная ненастная ночь. На улице выл ветер, по окнам хлестал дождь. Мы жались друг к другу у огня, как вдруг громкий стук заставил нас вздрогнуть. Вошел Дядя Джон. Он отряхнул свой плащ, потер руки у огня и сказал: «Я только что видел приведение!» «Расскажи нам, Дядя Джон!» — воскликнули мы. И он начал свою историю: «Наступила темная ненастная ночь. На улице выл ветер <...>»] (здесь и далее перевод мой. — М. С.).

Правила игры требуют сообщить одну и ту же информацию неограниченное количество раз, что абсолютизирует принцип информированности

в ущерб принципу кооперации, а именно максимам количества «Сообщи не больше и не меньше информации, чем требуется» и способа «Выражайся ясно», «Будь краток». По Дж. Личу, шкала вежливости нерелевантна по отношению к информационным сообщениям (Leach 1983, 104). Моделируемая в игре коммуникативная ситуация испытывает способности говорящего вести спонтанный монолог по заданному алгоритму, постепенно уточняя детали, но не доводя повествование до сути. Такой текст сочетает в себе прием «потока сознания», характерный для литературы модернистского направления (например, Дж. Джойс), а также циклизацию структуры, свойственную детским потешным песням (например, *“I am a Funny Fellow”* [‘Ведь я хороший парень’]) и народным сказкам (например, *“This is the House that Jack Built”* [‘Дом, который построил Джек’]). Игра заканчивается, когда аудитория перестает проявлять интерес к циклической истории.

Модель «Понижение шкалы кооперации — повышение шкалы вежливости — нейтрализация шкалы информированности» наблюдается в игре *Inquisition* (‘Инквизиция’). По правилам игры два участника должны в течение одной-двух минут вести диалог на свободную тему исключительно при помощи вопросов. Составитель игры Д. Парлетт приводит следующий образец диалога (Parlett 1981, 31):

- What are you doing here?
- What’s it to you?
- Aren’t I allowed to ask?
- Why shouldn’t you be?
- Then why don’t you answer?
- What sort of answer do you expect?
- You think I’m expecting?
- Er... er... Oh, balderdash!
- [Что ты здесь делаешь?
- Какое тебе дело?
- Мне и спросить уже нельзя?
- Почему же нельзя?
- Тогда почему ты не отвечаешь?
- А что ты ожидаешь услышать?
- Ты думаешь, мне оно надо?
- Эм... Вот чушь!]

Формальное ограничение на использование повествовательных предложений вынуждает игроков прибегнуть к наиболее доступному способу ведения диалога, а именно — демонстрации негативной вежливости, ожидания получить отказ со стороны собеседника. Негативная вежливость в игре реализуется посредством стратегии уклонения. Отбор речевых средств осуществляется по принципу эхо-реак-

ции: использование слов собеседника как вектора дальнейшего развития коммуникации. Подобный алгоритм ведения диалога выдвигает на передний план максимум такта, которая регулирует степень вторжения говорящего в личное пространство собеседника. Абсолютизация тактичности приводит к логическому парадоксу «комедии бездействия», в которой собеседники не намереваются совершить никакого действия, кроме собственно проявления вежливости (в контексте игры — негативной). В диалоге, состоящем из одних вопросов, говорящие отступают от принципа кооперации, нарушая максимы количества «Сообщи не больше информации, чем требуется» и релевантности «Не отклоняйся от темы». Шкала информированности нейтрализуется, поскольку ни один из собеседников не проявляет намерения отвечать на вопросы по существу.

Модель «Понижение шкалы вежливости — понижение шкалы кооперации — повышение шкалы информированности» воспроизводится в игре *Call My Bluff* (‘Раскуси мой обман’), известной массовой аудитории благодаря одноименной телепередаче BBC (1965–2011). Игра *Call My Bluff* испытывает уровень эрудированности и языковой догадки игроков. Подготовка к игре включает в себя пять этапов: словарная работа (отбор редко употребляемых, заимствованных, узкоспециализированных слов из актуального издания *Oxford English Dictionary*); фонетическая работа (предложение вариантов произношения этих слов); работа с дефинициями (составление правдоподобных словарных определений); этимологизация (подбор потенциальных условий и обстоятельств возникновения слов); контекстуализация (облечение слов в контекст их употребления). В каждом раунде команды игроков озвучивают три варианта произношения, дефиниции и контекста употребления выбранного слова. Соперникам предстоит определить, какие из предложенных вариантов — выдумка, и выбрать, по их мнению, настоящее словарное определение.

Игра *Call My Bluff* отличается не только сложностью подготовки, но и высоким уровнем вовлеченности. Помимо непосредственных участников, в игре также традиционно присутствуют сторонние публичные слушатели, наблюдающие за действием и принимающие пассивное участие в угадывании словарных дефиниций. Ведущий в игре выступает, с одной стороны, медиатором между соревнующимися командами, а с другой — комментатором, обеспечивающим осведомленность наблюдателей.

Так, речь ведущего Р. Робертсона задает тон коммуникативной обстановке, поддерживает компанейский настрой и уменьшает формальность ситуации путем снижения шкалы вежливости в пользу ироничности и подтрунивания:

Welcome to Call My Bluff, an upmarket version of the three card trick. And of course, it features as ever old lofty Frank Muir' (Call My Bluff... 1994)

[Добро пожаловать на «Раскуси мой обман», высококлассную версию игры с тремя картами. И сегодня с нами как обычно старый спесивый лжец Фрэнк Мур].

Во вступительной речи ведущего соблюдаются два частных принципа вежливости: принципы включения и индивидуального распознавания. Выражение “*an upmarket version of the three card trick*” адресовано публичным слушателям. Оно содержит оценочную характеристику игрового процесса и представляет игру в виде «высококлассной версии фокуса с тремя картами». Предложенная ведущим ассоциация с карточным фокусом информирует аудиторию о том, что предстоящая игра является агонистической — это соревнование, сопряженное с волей случая и требующее от участников активной вовлеченности и демонстрации своих языковых способностей. Установка на агонистический характер взаимодействия проявляется также в образном расположении игроков по «углам ринга»:

In the tartan corner I have an actress of distinction charm and beauty Celia Imrie. In the blue corner <...> it's an old friend of mine, Peter Cook

[В «шотландском» углу — необыкновенно обаятельная и прелестная актриса Селия Имри. В синем углу — <...> мой старый приятель Питер Кук].

Выражение “*it features as ever old lofty Frank Muir*” можно рассматривать как подтрунивание по отношению к капитану команды Фрэнку Муру. Принцип подтрунивания (*‘Banter Principle’*) выступает второстепенным принципом коммуникации. Он гласит: «Чтобы проявить солидарность к собеседнику, скажи что-либо очевидно ложное и невежливое по отношению к нему» (Leach 1983, 144). С одной стороны, нарушение максимы такта выставляет игрока в невыгодном свете и программирует предрасположенность непосредственных и сторонних участников к Фрэнку как к «старому спесивому лжецу». Об этом свидетельствует ответная реакция участника команды соперников Дж. Люмли в ходе игры: “*Frank, you were telling the truth almost for the first time in your life*” [Фрэнк, по-

хоже, впервые в жизни ты говорил правду]. С другой стороны, подтрунивание демонстрирует низкий уровень доминирования говорящего над слушающим и поддерживает дружеское отношение между собеседниками. Фрэнк Мур, следуя принципу индивидуального распознавания, подыгрывает своему амплу: “*My thunder is awful having to lie to you*” [Меня ужасает сама необходимость лгать вам].

Конструктивной особенностью игры *Call My Bluff* является установка на сообщение заведомо недостоверных сведений, что подразумевает нарушение принципа кооперации, а именно отклонение от максим количества «Сообщи не больше и не меньше информации, чем требуется» и качества «Не говори того, что считаешь ложным». Несмотря на то что все участники игры проинформированы о том, что соперники открыто демонстрируют коммуникативное намерение введения в заблуждение, отличие ложных дефиниций от истинных составляет существенную трудность. Повышение шкалы информированности высказываний состоит в том, что каждый участник, составив ложное определение слова, представляет аудитории фрагмент своего языкового опыта, насыщая его произносительными нормами и этимологическим контекстом, который имеет общие точки соприкосновения с языковым опытом других участников. Информация, сообщаемая другим игрокам, интерпретируется через призму коллективного знания о языке, допускающего параметры множественности значения, фонетической вариативности, неоднозначности этимологии. Критерии «истинности» и «ложности» определения становятся расплывчатыми, вынуждая игроков обращаться к языковой догадке и интуиции, критериям «правдоподобности» и «неправдоподобности».

В одном из выпусков *Call My Bluff* игрокам предлагалось отгадать определение слова EFFINGE, используемого в XVII в. в значении ‘*to shape or design something*’ (‘придавать форму чему-то или моделировать что-то’). Участники предложили варианты произношения слова, составленные по аналогии со сленговой, окказиональной и заимствованной лексикой:

1) [ˈefɪŋ] — по аналогии с эвфемизмом EFFING (‘мерзкий, зверский’);

2) [ˈefɪndʒ] — по аналогии с CHAFFINCH [ˈtʃæfɪntʃ] (‘зяблик’);

3) [efˈɑːnɪʒ] или [efˈɑːnɪʒə] — по аналогии с французскими заимствованиями на -AGE (*espionage, garage*).

Каждый из вариантов вызывает определенные ассоциативные связи между фонетической

оболочкой слова и потенциальными контекстами его употребления. Так, в представлении ведущего Р. Робертсона [ˈefɪŋ] встраивается в повседневный дискурс в качестве прилагательного или наречия, усиливающего эмоциональную окраску высказывания:

*an **effing** awful prime minister; you feel really **effing** proud* [мерзкий отвратительный премьер-министр; ты должен быть зверски горд].

Капитан команды Ф. Мур погружает [ˈefɪŋdʒ] в форме исчисляемого существительного в контекст экологического дискурса:

*the fields are alive with **effinges** in due season; **effinges** are admired by the Hampshire residents* [в сезон поля полны «зябликов»; жители Хэмпшира восхищаются «зябликами»].

Неисчисляемое существительное [efˈɑːŋʒ] П. Кук связывает со спортивным дискурсом:

*the skating trick of **effinge**; **effinge** would be now called a double twirl in the center of the ice* [элемент фигурного катания «эфанж»; сейчас «эфанж» означал бы двойное вращение в центре катка].

В соответствии со словарным описанием С. Имри представляет аудитории контекст употребления существительного и глагола [efˈɑːŋʒə] в профессиональном (ремесленном) дискурсе:

*pass me that **effinge**; a craftsman needs to **effinge** a chair* [передай мне эту «эфанжу»; ремесленнику нужно «отэфанжить» стул].

Для удовлетворения критерию «правдоподобности» дефиниций в выбранные контексты встраиваются культурно-исторические факты, закрепляющие слово в истории развития языка. Так, EFFINGE связывается:

- 1) с исследованиями английского орнитолога Г. Уайта:

*it's in fact mentioned in the reverend **Gilbert White's** lovely-lovely book* [фактически это слово упоминается в прелестной книге почтенного Гилберта Уайта];

- 2) с выступлениями норвежской фигуристки С. Хени:

*the most famous explainer of tricks of **effinge** was **Sonja Henie*** [лучшим исполнителем трюка «эфанж» была Соня Хини];

- 3) с английским обществом ремесленников середины XVII в.:

*at that time **a craftsman** making a chair would be described as **effinge*** [в то время ремесленник, изготавливающий кресло, мог быть назван «эфанж»].

Перед принятием решения о «правдоподобности» или «неправдоподобности» дефиниций, ведущий резюмирует их содержание команде соперников:

EFFINGE —

- 1) ***a sort of bird** that Gilbert White spoke about* [птица, о которой писал Г. Уайт];
- 2) ***a sort of skating maneuver** with which the name of Sonja Henie will forever be associated* [элемент фигурного катания, ассоциируемый с С. Хени];
- 3) ***to shape or design something*** [придавать форму или моделировать что-то].

Ложные дефиниции, по сравнению со словарной, обладают большей информационной насыщенностью, поскольку они ассоциируются с реальными историческими личностями, которым отведено определенное место в культурном и языковом опыте игроков. Во время финальной дискуссии капитан команды соперников Дж. Люмли говорит, что «не может представить, чтобы кто-то просил передать *effinge*» (*'I can't imagine anybody making a chair saying 'Pass me the effinge'*), что это просто «не то слово» (*'it's just not a word'*). Также участница команды соперников отмечает, что «если бы этот элемент фигурного катания [*effinge*] был настолько красив, то он существовал бы до сих пор» (*'This skating movement which was so attractive... I think it would still be there, if it worked'*). По мнению игрока, критерию «правдоподобности» отвечает дефиниция Ф. Мура, с языковым опытом которого у Дж. Люмли обнаружилось больше точек соприкосновения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, лингвистические игры моделируют ситуации общения, в которых в фокус внимания попадает один или несколько принципов коммуникации. Динамика их соблюдения варьируется в зависимости от правил и задач игры. Модели изменения шкал кооперации, вежливости и информированности демонстрируют обратную зависимость: повышение или абсолютизация одного из параметров ведет к понижению или нейтрализации другого. Воспроизводимые по игровым алгоритмам ситуации общения вскрывают противоречия между

основополагающими принципами коммуникации и подчеркивают их неравный статус в различных формах и типах речи.

Во-вторых, эксплуатация коммуникативных конвенций в лингвистических играх повышает метаязыковую рефлексию носителя языка над фундаментальными закономерностями функционирования языка и речи. В частности, игра в «бесконечные истории» (*'Shaggy Dog Stories'*) создает представление о рекурсии — лингвистической универсалии, заключающейся в способности языка порождать потенциально бесконечное количество выражений путем усложнения базовых конструкций. Вопросно-ответная игра *Inquisiton* демонстрирует применение майевтического метода в коммуникации (от греч. *μαϊευτική* — «повивальное искусство»). Философский метод познания путем постановки последовательных вопросов используется в общении для поиска противоречий, выявления скрытых смыслов, анализа коммуникативного намерения собеседника. Наконец, игра *Call My Bluff*, с одной стороны,

повышает рефлексию над свойствами конечности, динамичности и открытости семиотической системы языка, способностью пополнять словарный состав и хранить информацию о понятиях, давно вышедших из употребления; с другой стороны, процесс решения трудности в игре стимулирует представление о единицах языкового мышления — «коммуникативных фрагментах», отрезках речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Алексеева, И. В., Гузь, М. Н., Иванова, Н. В. и др. (2024) *Тренинг по подготовке к Герценовской олимпиаде школьников по иностранным языкам*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 96 с.
- Арутюнова, Н. Д. (2000) Наивные размышления о наивной картине мира. В кн.: *Язык о языке*. М.: Языки русской культуры, с. 7–22.
- Бахтин, М. М. (2021) *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. М.: Азбука, 640 с.
- Бонч-Осмоловская, Т. Б. (2009) *Введение в литературу формальных ограничений. Литература формы и игры от античности до наших дней*. Самара: Бахрах-М, 560 с.
- Гаспаров, Б. Д. (1996) *Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования*. М.: Новое литературное обозрение, 351 с.
- Голев, Н. Д. (ред.). (2009) *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 532 с.
- Гофман, Э. (2009) *Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу*. М.: Смысл, 318 с.
- Грайс, Г. П. (1985) Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике*, № 16, с. 217–237.
- Гринева, М. С. (2018) *Коммуникативный кодекс речевого общения*. Саратов: Вузовское образование, 65 с.
- Дьякова, Т. А., Сашина, А. С. (2018) Лингвистические игры как средство формирования многокомпонентной иноязычной коммуникативной компетенции (системный подход). *Вестник ПГГПУ. Серия № 1: Психологические и педагогические науки*, № 2, с. 177–189.
- Зализняк, А. А. (2009) *Из заметок о любительской лингвистике*. М.: Русский Мир; Московские учебники, 240 с.
- Зализняк, А. А. (2018) *Лингвистические задачи*. М.: МЦНМО, 56 с.
- Земская, Е. А. (ред.). (1983) *Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест*. М.: Наука, 239 с.
- Каргаполова, И. А. (2007) *Человек в зеркале языковой игры*. СПб.: Золотое сечение, 407 с.
- Кларк, Г. Г., Карлсон, Т. Б. (1986) Слушающие и речевой акт. *Новое в зарубежной лингвистике*, № 17, с. 270–321.
- Космодемьянская, В. И., Лисенко, М. В., Радюшкина, А. А. (2023) Коммуникативная стратегия уклонения от прямого ответа как форма непрямой коммуникации в американском дискурсе. *Политическая лингвистика*, № 2, с. 63–69.
- Кудашов, Г. Н. (2018) Игровое конструирование и моделирование. *Литрес*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/grigoriy-nikolaevich-kudashov/igrovoe-konstruirovanie-i-modelirovanie-37894210/> (дата обращения 11.04.2025).

- Любич, Д. В. (1998) *Лингвистические игры*. СПб.: Издательство Буковского, 268 с.
- Норман, Б. Ю. (2024) *Игра на гранях языка*. 7-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 344 с.
- Остин, Дж. Л. (1986) Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике*, № 17. М.: Прогресс, с. 22–130.
- Остроумова, А. В. (2007) Когнитивно-прагматические основы англоязычного мнемонического повествования: к вопросу об актуальности исследования. *Studia Linguistica*, № 16, с. 183–187.
- Серль, Дж. Р. (1986) Классификация иллокутивных актов. *Новое в зарубежной лингвистике*, № 17, с. 170–194.
- Стросон, П. Ф. (1986) Намерение и конвенция в речевых актах. *Новое в зарубежной лингвистике*, № 17, с. 131–150.
- Цветкова, М. В. (2001) Концепт «fair play» в английской национальной ментальности. В кн.: Н. Н. Болдырев (ред.). *Филология и культура: Материалы III Международной научной конференции*. Ч. 2. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина, с. 87–89.
- Якобсон, Р. О. (1975) Лингвистика и поэтика. В кн.: Е. Я. Басин, М. Я. Поляков (ред.). *Структурализм: «за» и «против»*. М.: Прогресс, с. 193–230.
- Bombaugh, C. C. (1890) *Gleanings for the Curious from the Harvest-fields of Literature*. Philadelphia: J. B. Lippincott Company Publ., 864 p.
- Borgmann, D. (1965) *Language on Vacation; An Olio of Orthographical Oddities*. New York: Scribner Publ., 318 p.
- Brown, P., Levinson, S. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 345 p.
- Code of Conduct. National Puzzler's League. (2025) [Online]. Available at: <https://www.puzzlers.org/about-us/code-of-conduct/> (accessed 11.08.2025).
- Crystal, D. (2001) *Language Play*. Chicago: University of Chicago Press, 248 p.
- Eckler, A. R. (1979) *Word Recreations: Games and Diversions from Word Ways*. New York: Dover Publ., 135 p.
- Espy, W. R. (1972) *The Game of Words*. New York: Bramhall House Publ., 279 p.
- Leach, G. (1983) *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman Publ., 264 p.
- Mollica, A. (2015) Recreational Linguistics and Second-Language Teaching: It's all in the (Word) Game! *Réflexions*, vol. 34, no. 1, pp. 30–32.
- Nelson, A. (2025) *Trump 2024 Word Search Puzzle Book*. New York: Angela Puzzle Books Publ., 110 p.
- Sutton-Smith, B. (2001) *The Ambiguity of Play*. Cambridge; London: Harvard University Press, 288 p.
- Wakeling, E. (1992) *Lewis Carroll's Games and Puzzles*. New York: Dover Publ., 80 p.

Sources

- Call My Bluff. (1994) *BBC Two England*. [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/live/h0Xdy5F2tQc> (accessed 10.04.2025). (In English)
- Eiss, H. E. (1986) *Dictionary of Language Games, Puzzles, and Amusements*. Wesport: Greenwood Press, 278 p. (In English)
- Parlett, D. S. (1981) *Botticelli and Beyond: Over 100 of the World's Best Word Games*. New York: Pantheon Books Publ., 235 p. (In English)
- Shipley, J. T. (1966) *Playing with Words*. New York: Cornerstone Library Publ., 186 p. (In English)

References

- Alekseeva, I. V., Guz, M. N., Ivanova, N. V. et al. (2024) *Trening po podgotovke k Gertsenovskoj olimpiade shkol'nikov po inostranny'm yazykam* [Training in preparation for the Herzen Olympiad of schoolchildren in foreign languages]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 96 p. (In Russian)
- Arutyunova, N. D. (2000) Naivnye razmyshleniya o naivnoj kartine mira [Naïve meditations on a naïve worldview]. In: *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., pp. 7–22. (In Russian)
- Austin, J. L. (1986) Slovo kak dejstvie [How to do things with words]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, no. 17, pp. 22–130. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (2021) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Rabelias and His World]. Moscow: Azbuka Publ., 640 p. (In Russian)
- Bombaugh, C. C. (1890) *Gleanings for the Curious from the Harvest-fields of Literature*. Philadelphia: J. B. Lippincott Company Publ., 864 p. (In English)
- Bonch-Osmolovskaya, T. B. (2009) *Vvedenie v literaturu formal'nykh ogranichenij. Literatura formy i igry ot antichnosti do nashikh dnei* [Introduction to constrained writing. Literature of forms and play from antiquity to modern times]. Samara: Bakhrakh-M Publ., 560 p. (In Russian)
- Borgmann, D. (1965) *Language on Vacation; An Olio of Orthographical Oddities*. New York: Scribner Publ., 318 p. (In English)
- Brown, P., Levinson, S. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 345 p. (In English)

- Clark, H. H., Carlson, T. B. (1986) Slushayushchie i rechevoj akt [Hearers and speech acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, no. 17, pp. 270–321. (In Russian)
- Code of Conduct. National Puzzler's League. (2025) [Online]. Available at: <https://www.puzzlers.org/about-us/code-of-conduct/> (accessed 11.08.2025). (In English)
- Crystal, D. (2001) *Language Play*. Chicago: University of Chicago Press, 248 p. (In English)
- Dyakova, T. A., Sashina, A. S. (2018) Lingvisticheskie igry kak sredstvo formirovaniya mnogokomponentnoj inoyazychnoj kommunikativnoj kompetentsii (sistemnyj podkhod) [Language games as a means of forming a multicomponent foreign communicative competence (systematic approach)]. *Vestnik PGGPU. Seriya No. 1: Psichologicheskie i pedagogicheskie nauki*, no. 2, pp. 177–189. (In Russian)
- Eckler, A. R. (1979) *Word Recreations: Games and Diversions from Word Ways*. New York: Dover Publ., 135 p. (In English)
- Espy, W. R. (1972) *The Game of Words*. New York: Bramhall House Publ., 279 p. (In English)
- Gasparov, B. D. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz: Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, memory, image: Linguistics of language existence]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 351 p. (In Russian)
- Golev, N. D. (ed.). (2009) *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]*. Kemerovo; Barnaul: Altai State University Publ., 532 p. (In Russian)
- Goffman, E. (2009) *Ritual vzaimodejstviya: ocherki povedeniya litsom k litsu [Interaction ritual. Essays on face-to-face behavior]*. Moscow: Smysl Publ., 319 p. (In Russian)
- Grice, H. P. (1985) Logika i rechevoe obshchenie [Logic and conversation]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, no. 16, pp. 217–237. (In Russian)
- Grineva, M. S. (2018) *Kommunikativnyj kodeks rechevogo obshcheniya [Code of communication]*. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie Publ., 65 p. (In Russian)
- Jakobson, R. O. (1975) Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. In: E. Ya. Basin, M. Ya. Polyakov (eds.). *Strukturalizm: "za" i "protiv" [Structuralism: 'pros' and 'cons']*. Moscow: Progress Publ., pp. 193–230. (In Russian)
- Kargapolova, I. A. (2007) *Chelovek v zerkale yazykovoj igry [Human in the mirror of a word play]*. Saint Petersburg: Zolotoe sechenie Publ., 407 p. (In Russian)
- Kosmodem'yanskaya, V. I., Lisenko, M. V., Radyushkina, A. A. (2023) Kommunikativnaya strategiya ukloneniya ot pryamogo otveta kak forma nepryamoj kommunikatsii v amerikanskom diskurse [A Communication strategy aimed to avoid giving a direct answer: A form of indirect communication in American political discourse]. *Politicheskaya lingvistika — Political Linguistics*, no. 2, pp. 63–69. (In Russian)
- Kudashov, G. N. (2018) Igrovoe konstruirovaniye i modelirovaniye [Game design and modelling]. *Litres*. [Online]. Available at: <https://www.litres.ru/book/grigoriy-nikolaevich-kudashov/igrovoe-konstruirovaniye-i-modelirovaniye-37894210/> (accessed 11.04.2025). (In Russian)
- Leach, G. (1983) *Principles of Pragmatics*. London: New York: Longman, 264 p. (In English)
- Lyubich, D. V. (1998) *Lingvisticheskie igry [Language games]*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Bukovskogo Publ., 268 p. (In Russian)
- Mollica, A. (2015) Recreational Linguistics and Second-Language Teaching: It's all in the (Word) Game! *Réflexions*, vol. 34, no. 1, pp. 30–32. (In English)
- Nelson, A. (2025) *Trump 2024 Word Search Puzzle Book*. New York: Angela Puzzle Books Publ., 110 p. (In English)
- Norman, B. Yu. (2024) *Igra na granyakh yazyka [Game on the verse of language]*. 7th ed. Moscow: FLINTA Publ., 344 p. (In Russian)
- Ostroumova, A. V. (2007) Kognitivno-pragmaticheskie osnovy angloyazychnogo mnemonicheskogo povestvovaniya: k voprosu ob aktual'nosti issledovaniya [Cognitive-pragmatic foundations of English mnemonic narrative: To the question of the relevance of the research]. *Studia Linguistica*, no. 16, pp. 183–187. (In Russian)
- Searle, J. R. (1986) Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [A classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, no. 17, pp. 170–194. (In Russian)
- Strawson, P. F. (1986) Namerenie i konventsiiya v rechevykh aktakh [Intention and convention in speech act]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, no. 17, pp. 131–150. (In Russian)
- Sutton-Smith, B. (2001) *The Ambiguity of Play*. Cambridge; London: Harvard University Press, 288 p. (In English)
- Tsvetkova, M. V. (2001) Kontsept "fair play" v anglijskoj natsional'noj mental'nosti [The concept of 'fair play' in English national mentality]. In: N. N. Boldyrev (ed.). *Filologiya i kul'tura: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Ch. 2 [Philology and culture: Proceedings of the 3rd International scientific conference. Pt. 2]*. Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin Publ., pp. 87–89. (In Russian)
- Wakeling, E. (1992) *Lewis Carroll's Games and Puzzles*. New York: Dover Publications, 80 p. (In English)
- Zaliznyak, A. A. (2009) *Iz zametok o lyubitel'skoj lingvistike [From the notes on amateur linguistics]*. Moscow: Russkij Mir Publ.; Moskovskie uchebniki Publ., 240 p. (In Russian)
- Zaliznyak, A. A. (2018) *Lingvisticheskie zadachi [Linguistic exercises]*. Moscow: MTsNMO Publ., 56 p. (In Russian)
- Zemskaya, E. A. (ed.). (1983) *Russkaya razgovornaya rech': fonetika, morfologiya, leksika, zhest [Russian colloquial speech: phonetics, morphology, vocabulary, gesture]*. Moscow: Nauka Publ., 239 p. (In Russian)

«Сильные» музыкальные тексты: обретение первичности (от «Кармен» П. Мериме до «Кармен» Ж. Бизе и далее)

В. А. Разумовская ¹

¹ Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79/10

Сведения об авторе

Вероника Адольфовна
Разумовская, SPIN-код: 8263-8539,
ORCID: 0000-0002-0751-7964,
e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Для цитирования:

Разумовская, В. А. (2025) «Сильные» музыкальные тексты: обретение первичности (от «Кармен» П. Мериме до «Кармен» Ж. Бизе и далее). *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 7, № 1, с. 37–44.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-37-44> EDN WEVMDK

Получена 30 сентября 2024;
прошла рецензирование 9 декабря 2024, принята 16 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. А. Разумовская (2025).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Обращение к вторичным вербальным, не только вербальным (гибридным) и невербальным вариантам «сильного» оригинала текста художественной литературы позволяет гипотетически предложить вероятность существования в культурном пространстве отдельных регионов и всего мира полисемиотического многокомпонентного центра переводной аттракции. Под «сильным» оригиналом текста художественной литературы в современном гуманитарном дискурсе понимается текст, обладающий бесспорно высокой эстетической и культурной ценностью и рядом обязательных параметров: широкая известность в «своей» и «чужих» культурах, включение в образовательные программы различных уровней, а также в национальные/мировые книжные рейтинги, регулярная реинтерпретативность его информации средствами различных семиотических систем. Создание вторичных версий оригинального (примарного) текста обусловлено ингерентной неоднозначностью его информации и может быть рассмотрено в свете таких новых категорий художественного переводоведения, как неисчерпаемость оригинала (возможность возникновения теоретически бесконечного числа интерпретаций примарного текста) и переводная множественность (существование текста оригинала в многочисленных вторичных формах). Переводная множественность предполагает перевод текста вербального оригинала средствами «своего» языка (внутриязыковой вид), «чужого» языка (межъязыковой вид) или «языков» других семиотических систем (межсемиотический вид). При определенных условиях вторичные версии могут также становиться «сильным» текстом (в широком понимании текста). Работа рассматривает ситуацию, в которой текст литературы становится «сильным» музыкальным текстом. Материалом настоящего исследования стали связи, существующие между вербальным текстом новеллы П. Мериме «Кармен» и гибридным текстом одноименной оперы Ж. Бизе и создавшие уникальный свертхтекст мировой культуры.

Ключевые слова: неисчерпаемость информации текста оригинала, первичность, вторичность, семиозис, трансформация, переводная множественность

“Strong” musical texts: Gaining primacy (from “Carmen” by P. Mérimée to “Carmen” by J. Bizet and beyond)

V. A. Razumovskaya ✉¹

¹ Siberian Federal University, 79/10 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041, Russia

Author

Veronica A. Razumovskaya,
SPIN: 8263-8539, ORCID:
0000-0002-0751-7964, e-mail:
veronica_raz@hotmail.com

For citation: Razumovskaya, V. A.
(2025) “Strong” musical texts:
Gaining primacy (from “Carmen”
by P. Mérimée to “Carmen” by J. Bizet
and beyond). *Language Studies and
Modern Humanities*, vol. 7, no. 1,
pp. 37–44. [https://doi.org/
10.33910/2686-830X-2025-7-1-37-44](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-37-44)
EDN WEVMDK

Received 30 September 2024;
reviewed 9 December 2024,
accepted 16 January 2025.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © V. A. Razumovskaya
(2025). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. The article addresses secondary verbal, non-verbal and not only verbal (hybrid) versions of a “strong” original of fiction, which in modern humanitarian discourse is understood as a text that has both indisputable high aesthetic and cultural value and a number of other mandatory parameters (wide popularity in “one’s own” and “foreign” cultures, inclusion in the programs of various levels of education and in national / world book ratings, regular high reinterpretability of its information by means of various semiotic systems). The research results allow us hypothetically propose a probability of existence in the cultural space of various regions and a whole world of a polysemiotic multicomponent center of translation attraction. The creation of secondary versions of an original (primary) text is due to the inherent ambiguity of its information and can be described in the light of such new categories of Literary Translation Studies as the inexhaustibility of the original (the potential possibility for a theoretically infinite number of a primary text interpretations) and translation multiplicity (the existence of an original text in numerous secondary forms).

Translational multiplicity presupposes the translation of a verbal original text by means of “one’s own” language (intralingual translation type), “foreign” language (interlingual type) or “languages” of other semiotic systems (intersemiotic type). Under certain conditions, secondary versions can also obtain a status of a “strong” text (in the broad sense of text). The work examines the situation in which a verbal text of fiction becomes a “strong” musical text. The material under study were the relations between the verbal text of P. Mérimée’s novella “Carmen” and the hybrid opera text of the same name by J. Bizet which have resulted into creation of the world culture unique supertext.

Keywords: original text information inexhaustibility, primacy, secondarity, semiosis, transformation, translation multiplicity.

«Кармен» П. Мериме: «сильный» текст литературы и аттрактор перевода

Для предметной области современного художественного переводоведения сравнительно недавно было предложено понятие центра переводной аттракции. В его основе лежат связи, возникающие между текстом вербального оригинала и его вторичными версиями. Центр переводной аттракции представляет гетерогенную совокупность текстов (некий свертхтекст или палимпсест), где оригинальный текст является аттрактором перевода, его ядром, а все вторичные версии — полем переводимости «сильного» аттрактора (Разумовская 2016; Razumovskaya 2019). Возникновение центра переводной аттракции первоначально рассматривалось в свете появления у «сильного» оригинала, созданного вербальными средства-

ми, также вербальных вторичных версий — результатов межъязыкового перевода примарного текста. Поле переводимости такого центра организовано по принципу «центр — периферия» и включает созданные переводы (как активные, так и уже вышедшие по различным причинам из употребления и ставшие в итоге пассивными, неактуальными), а также переводы потенциальные (представленные в импликационной части поля и имеющие возможность быть реализованными в будущем в силу объективных и субъективных причин).

Используя образ Вавилонской башни как ключевую метафору перевода, можно утверждать, что и центр переводной аттракции никогда не будет создан до конца, поскольку количество представленных в нем переводов будет постоянно меняться в результате появления новых переводов на языки мира или повторных переводов (перепереводов) на иностранные

языки, на которых уже существуют вторичные версии художественного оригинала, а также по причине выхода из активного употребления устаревших или имеющих низкое качество переводов. Таким образом, такой центр никогда не сможет обрести выраженных статических свойств, а будет представлять собой некий динамический текстовой конструкт, существующий в синхронии и диахронии и представленный в культурах языков перевода и в межкультурном пространстве.

К разряду наиболее многочисленных и, соответственно, полилингвальных центров переводной аттракции принадлежат центры, аттракторами которых стали «сильные» тексты художественной литературы, а значит, и культуры. Эти тексты обладают рядом ингерентных свойств, обеспечивающих их «силу». К таким свойствам традиционно относят большую (практически неисчерпаемую) эстетическую энергию, безоговорочно признаваемую культурную ценность, широкую известностью в «своей» и «чужих» культурах, включение в программы различных уровней образования; способность к высокой реинтерпретативности (Кузьмина 2009). Яркими примерами «сильных» текстов являются: пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин», шекспировская трагедия «Ромео и Джульетта». В ряде случаев «сильные» тексты преодолевают пространство «своей» культуры и становятся мировым культурным достоянием.

При обязательной принадлежности к области художественной литературы «сильные» тексты могут иметь различную жанровую принадлежность и объем. Так, новелла (в ряде случаев определяется как рассказ или повесть) французского писателя Проспера Мериме «Кармен» (Carmen), объем оригинала которой в различных изданиях варьирует от пятидесяти до ста страниц, представляет собой пример «сильного» художественного текста малого повествовательного жанра.

Первые три главы новеллы были написаны и опубликованы в 1845 году во французском литературном журнале “Revue des Deux Mondes”. В 1847 году в свет вышла ее книжная версия, в которую добавлена четвертая глава, сообщающая некоторую этнографическую информацию о цыганах (история происхождения, места расселения в Испании, особенности внешности, традиционные занятия мужчин и женщин, отношение к религии и сведения о цыганском языке), но сюжетно не связанная с событиями предшествующих глав. Появление четвертой главы обусловлено тем, что история трагической

любви цыганки Кармен и баска Хосе в новелле рассказывается от лица путешественника-географа, который странствует по Андалусии и встречается на своем пути цыган.

Новелла переведена на большинство языков мира. Всемирная база данных переводов UNESCO сообщает о переводах «Кармен» на английский, немецкий, итальянский, голландский, сербо-хорватский, словенский, чешский, испанский, польский, русский, финский, датский, македонский, португальский, латышский, литовский, шведский, норвежский, исландский, каракалпакский, иврит, арабский, корейский, японский, китайский, болгарский, эстонский, бирманский, греческий, фарси, турецкий, баскский, албанский, венгерский, каталонский языки (Index Translationum... 2024). История появления иноязычных версий текста Мериме является, несомненно, темой специального исследования. При этом отметим, что об устойчивом интересе издателей, переводчиков, читателей к новелле убедительно свидетельствует тот факт, что у текста, опубликованного в середине XIX века, и в XXI веке появляются новые переводы. Так, иранское англоязычное издание “Tehran Times” в феврале 2024 года сообщило о выходе в свет перевода новеллы на персидский язык, выполненного переводчиком М. Гударзи и опубликованного в серии “Ofoq Classics” (Prosper Mérimée’s... 2024).

Примечательно, что на ряд иностранных языков текст Мериме переводился неоднократно, то есть становился объектом переперевода (Cadera, Walsh 2022). Известно более десяти переводов на испанский язык, созданных на протяжении нескольких десятилетий различными переводчиками из стран Испанидада, что говорит об интересе к «испанской истории», написанной французом Мериме, и об ее статусе «сильного» текста. Новелла неоднократно переводилась и на английский язык. Одним из лучших переводов на английский язык считается версия М. Ллойд (1853–1936), впервые опубликованная в 1881 году. В дальнейшем версия Ллойд неоднократно переиздавалась, а также приобрела форматы электронной книги и аудиокниги. В 2006 году этот перевод был опубликован в рамках известного проекта Gutenberg, считающегося старейшей в мире электронной библиотекой.

Создание переводов на каждый иностранный язык имеет свои особенности и свою неповторимую историю. Первый перевод на русский язык был выполнен неизвестным переводчиком практически сразу после появления французского оригинала в 1845(6) году и опубликован

в журнале «Отечественные записки» как рассказ. Обращаясь к истории создания русских переводов текста Мериме, Н. К. Гарбовский пишет: «Взгляд в прошлое чудесной “Кармен” в русском культурном пространстве позволяет установить, что эту новеллу переводили на русский язык не менее восьми раз: 1846 — неизвестный переводчик, 1907 — Батайль, 1908 — Рачинский, 1913 — Кисляковский, 1923 — Штильман, 1925 — Губер, 1927 — Лозинский, 1930 — Виноградов. Среди авторов переводов — признанные мэтры переводческого искусства Рачинский и Лозинский. Их переводы новелл Мериме публикуются до сих пор даже в хрестоматийных изданиях, предназначенных для просвещения школьной молодежи» (Гарбовский 2011, 8). Из перечисленного списка переводов бесспорным «долгожителем» является версия Г. А. Рачинского, которая продолжает издаваться уже более ста лет. В 2014 году этот перевод был опубликован в билингвальном формате в сопровождении с аудиодиском. Традиционно популярной остается и версия «Кармен» М. А. Лозинского, которая также публиковалась в билингвальном франко-русском варианте (например, в 1936 году в издательстве «ACADEMIA»). Приведенный Гарбовским список переводов может быть дополнен версиями О. В. Моисеенко (1981) и Д. Рагинского (2007). Перевод Н. К. Гарбовского, выполненный в соавторстве с О. И. Костиковой, был опубликован в 2010 году и стал одной из последних известных русскоязычных версий.

«Кармен» Ж. Бизе: «сильный» перевод вербального оригинала и «сильный» музыкальный текст

Приведенная информация об иноязычных переводах новеллы говорит о высокой реинтерпретативности текста Мериме, что, как указано выше, является одним из ингерентных свойств «сильного» текста литературы. Если переводы на иностранные языки есть проявление межъязыковой реинтерпретативности текста вербального оригинала, то вторичные версии новеллы, созданные на «языках» других видов искусства, других семиотических систем представляют собой случаи реинтерпретативности межсемиотической. Иносемиотическими версиями текста Мериме стали многочисленные экранизации, мюзиклы, оперы, балеты, книжные иллюстрации, комиксы и т. д. Особое место среди невербальных (или не только вербальных, гибридных) версий новеллы с полным правом принадлежит одноименной опере Ж. Бизе. О культурном значении произведения оперного ис-

кусства и его широкой известности свидетельствует тот факт, что в аннотациях к книжным изданиям оригинала и перевода содержится традиционная отсылка к всемирно известной опере.

Премьера оперы Бизе состоялась в 1875 году в парижском театре «Опера-Комик», что произошло уже после смерти П. Мериме, скончавшегося в 1870 году. Первые исполнения не имели большого успеха у зрителей и критиков и не стали ярким культурным событием. Тем не менее в дальнейшем опера Бизе обрела славу всемирно известного репертуарного произведения и завоевала театральные подмостки, став символом оперного искусства. Считается, что успешный период в «жизни» оперы начинается с венской премьеры 1876 года, состоявшейся уже после смерти ее автора. Присутствие оперы, выдержавшей испытание временем, в репертуарах большинства театров мира, появление на одной театральной сцене нескольких постановок (в Большом театре за период с 1898 по 2015 год было десять постановок) является бесспорным проявлением культурной и эстетической «силы» музыкального текста Бизе.

При наличии общей инвариантной части, обеспечивающей наличие связи между примарным и вторичным текстами, новелла и опера обнаруживают ряд существенных различий в описываемых событиях, нарративных линиях, времени действия, персонажах и трактовках образов героев. Исследователи отмечают, что образы главных героев в опере Бизе значительно смягчены и сама опера более романтична в сравнении с текстом Мериме. Образ Кармен был адаптирован для оперной сцены, став более благородным и исполненным трагического величия, что отличает его от литературного прототипа. В специальных исследованиях обращается внимание на усиление в опере испанского колорита, но при этом основной сюжет новеллы не претерпел значительных изменений (Виноградова 2012).

Автором идеи создания оперы на основе произведения Мериме стал сам композитор. Опера имеет четыре акта и создана в жанре разговорной оперы французского музыкального театра XVIII–XIX веков, основанного на сочетании музыкальных номеров и разговорных диалогов. Текст первого французского либретто, которое в отношении всех последующих за ним текстов музыкально-сценического произведения является примарным, создали А. Мельяк и Л. Галеви. Помимо разговорной версии, которая была исполнена на премьере, опера также имеет и речитативную версию, автором которой

считается Э. Гиро. Дальнейшие постановки оперы «Кармен» в театрах мира вызвали необходимость переводов (и перепереводов) либретто или создания на его основе качественно новых версий. История переводов либретто на языки стран постановок оперы Бизе имеет несомненный интерес для переводоведения и либреттологии. Переводные версии некоторых известных частей словесного компонента оперы (хабанеры, куплетов тореадора, сегедильи) уже стали объектами сопоставительных исследований (Ганзбург 2012). В отношении созданных текстов либретто, являющихся вторичными версиями текста Мериме и образующих с музыкальным текстом Бизе гибридный вторичный оперный текст, с полным правом применимо понятие переводной множественности. Весь массив текстов либретто, созданных за время постоянного и активного присутствия оперы в пространстве мировой музыкальной культуры, предоставляет ценный материал для изучения динамики принципов вокального перевода, для проведения сравнительного анализа версий, созданных как на различных иностранных языках, так и версий, имеющих один язык создания вторичных текстов (случаи переперевода). Так, постановка оперы в театрах России потребовала создания русских версий исходно французского либретто. При этом интересно отметить, что в первой российской постановке (на сцене Большого Каменного театра в Санкт-Петербурге, в 1878 году) использовалась итальянская версия либретто. На настоящий момент известно около двадцати русскоязычных версий либретто оперы. Первый русскоязычный вариант либретто создал в 1878 году композитор и либреттист Г. Лишин. В дальнейшем авторами русскоязычного либретто стали А. Горчакова (1886), П. Обнорский (1896), В. Травский (1911), М. Куприянов (1913), Д. Южин (1915), Н. Миклашенко (1915), П. Аренский (1932) и многие другие. В 1972 году Ю. Димитрин предложил свой первый вариант либретто, но в дальнейшем (на протяжении нескольких десятилетий) он неоднократно к нему обращался, предлагая новые редакции.

Понимая перевод в широком смысле и считая иносемиотические тексты результатом межсемиотического перекодирования, можно утверждать, что в силу устойчивой популярности вторичный текст оперы Бизе приобрел за время своего существования очевидные свойства первичности, став бесспорно «сильным» музыкальным текстом мировой культуры. Так, обращаясь к истории постановок оперы во Франции и за рубежом, исследователи от-

мечают, что в мире известно не так уж много опер, которые оказали такое влияние на мировую музыкальную культуру и представлены на оперной сцене в глобальном масштабе, как «Кармен» Ж. Бизе (Rowden, Smith 2020). Ряд музыкальных фрагментов оперы хорошо узнаваемы и тесно ассоциируются с историей трагической любви Кармен и Хосе, первоначально рассказанной в новелле П. Мериме. Хабанера героини (ставшая, по нашему мнению, самостоятельным «сильным» музыкальным текстом) узнаваема и известна даже тем слушателям, кто не знаком с новеллой и полным оперным текстом. Именно опера Бизе стала для представителей различных культур мира основным (а нередко единственным) источником знакомства с историей испанской цыганки из произведения французской литературы. Именно посредством музыкального текста с яркими художественными образами оказывается сильное эстетическое воздействие на «читателей» (к «читателям» с полным правом могут быть отнесены зрители и слушатели).

О культурной и эстетической «силе» оперы свидетельствует появление ее вторичных версий, что можно рассматривать как оммаж произведению Бизе. В одноактной лирической музыкальной пародии “Carmela” С. Гране и Т. Рейга 1891 года действие перенесено в Мадрид, солдаты стали полицейскими, а образ героини, характеризуемый гибридной андалусийско-мадридской идентичностью, создан на основе устойчивых стереотипов театральной репрезентации испанского национального характера (Christofordis, Kertesz 2019, 132). В 1882 году испанский композитор и скрипач П. де Сарасате создал музыкальную фантазию для скрипки на тему «Кармен». Автором еще одной музыкальной фантазии (1946 год) стал американец Ф. Ваксман, известный как автор музыки к голливудским фильмам. Музыка Бизе также представлена и в многочисленных фортепианных транскрипциях. В музыкальной студии МХАТ состоялась премьера оперного спектакля «Карменсита и солдат» (1924 год). В программе сообщалось, что это трагедия на сюжет Мериме с использованием музыки оперы Бизе «Кармен». Музыка Бизе послужила импульсом для создания музыкальных произведений у ряда композиторов, испытавших влияние оперы на творчество. Широко известны случаи и музыкального цитирования оперы.

Вторичными версиями оперы и, соответственно, третичными в отношении новеллы стали балетные версии: постановка Р. Пети на сцене лондонского театра «Принц Уэльский»

1949 года; балет Р. Щедрин «Кармен-сюита» 1967 года, постановку которого в России осуществил кубинский хореограф А. Алонсо. В 1992 году авторскую версию истории Кармен представил в Стокгольме на сцене Национального гастрольного театра Матс Эк. Он объединил в своей балетной постановке два взгляда на классический сюжет, две истории, два «сильных» текста культуры — новеллу Мериме и оперу Бизе. Замысел режиссера воплощен в балете посредством комбинации различных частей прецедентных постановок текстов. В итоге на суд зрителей был предложен не традиционно хронологический рассказ, а калейдоскоп событий.

Создание экранных адаптаций темы Кармен также часто представляет собой историю интерпретаций не только новеллы-первоисточника, но и музыкального текста оперы. При этом не всегда доступна информация о том, что легло в основу киноверсии — первичный текст новеллы Мериме или вторичный текст оперы Бизе. Примечательно, что в ряде случаев в основу киноадаптаций положена комбинация интерпретационных версий обоих «сильных» текстов культуры.

Первая известная киноверсия появилась на заре эры кинематографа. В 1907 году британский режиссер А. Гилберт снял короткометражный фильм “Carmen”. Итальянская немая лента 1909 года режиссера Дж. Ло Савио (“Carmen”) создана как перенос на экран сюжетной линии оперы Бизе. В 1915 году на экраны США выходят три киноленты, повествующие о Кармен. Интересно, что два из фильмов 1915 года обнаруживают устойчивые связи не только с новеллой и оперой, что делает их текстами вторичными, но и между собой. Первоначально С. Б. Демилль планировал снять киноверсию оперы, но поскольку либретто на тот период было защищено авторским правом, то в основу фильма в итоге легла новелла. Немой фильм, снятый в яркой театрализованной манере, присущей работам режиссера, с богатыми декорациями и массовыми сценами демонстрировался в кинозалах в сопровождении музыки Бизе. Пародией на фильм Девиля также в 1915 году стала вольная интерпретация новеллы Ч. Чаплиным, вышедшая под названием “Burlesque on Carmen”, отражающим замысел режиссера и исполнителя главной роли и имеющая неожиданный финал. Автором третьей американской киноверсии 1915 года, основанной на новелле, стал Р. Уолш, который через несколько лет (в 1927 году) снял еще один фильм по мотивам новеллы. Еще одним примером сложных связей между текстами

Мериме, Бизе и киноадаптациями стала мелодрама “The Loves of Carmen”, снятая в 1948 году режиссером Ч. Видором (США). В рекламной кампании фильма, в котором главные роли исполнили звезды Голливуда Р. Хейворт и Г. Форд, сообщалось, что лента является адаптацией именно новеллы. Создатели указанной киноверсии отказались от использования в ней музыки из оперы Бизе. При этом считается, что фильм Видора стал ремейком немого фильма Р. Уолша 1927 года, для которого уже было использовано название “The Loves of Carmen”.

Известной музыкально-кинематографической версией оперы Бизе стал бродвейский мюзикл “Carmen Jones” (1943 год), в котором была использована аранжировка Р. Р. Беннета — композитора, известного оркестровкой бродвейских шоу. Автором текста стал О. Хаммерштейн, адаптировавший либретто оперы, перенесший действие на время Второй мировой войны и сделавший участниками событий афроамериканцев. В 1954 году Хаммерштейн и О. Премингер создают киноверсию мюзикла, что позволяет говорить о сложном «каскаде бифуркаций» примарного текста: новелла — опера — мюзикл — киноверсия.

«Кармен» как сильный свертхтекст мировой культуры

Обращение к вторичным версиям новеллы П. Мериме «Кармен», имеющим различную семиотическую природу (вербальную, невербальную и гибридную), позволяет сформулировать следующую гипотезу: вербальный текст оригинала и все его переводы (в самом широком понимании явления перевода) формируют обширный центр переводной аттракции, который, в свою очередь, представляет семиотический конструкт. Существование этого семиотического конструкта обусловлено информационной неисчерпаемостью «сильного» вербального оригинала и обеспечено его реализованной переводной множественностью, ставшей результатом связанных между собой интерпретационных, трансформационных, а также и адаптационных творческих процессов. В контексте понятия интертекстуальности отмечается множественность текстов, формирующих многокомпонентный центр переводной аттракции «Кармен»: «Интертекстуальные трансформации новеллы Мериме образуют интересный материал для размышлений о соотношении различных семиотических систем, поликодовости коммуникации, вербальных и невербальных параметрах интертекстуальности» (Чеснокова 2013, 67).

Рассмотренный выше центр переводной аттракции обнаруживает сложные системно-структурные отношения (связи) между вербальным художественным оригиналом и его вторичными версиями, а также и между вторичными версиями различной семиотической природы. Отметим, что указанные отношения между элементами центра (между текстом-аттрактором и всеми текстами, формирующими поле переводимости/переведенности) уникальны для каждого случая формирования центра переводной аттракции.

Уникальны и отношения в пространстве центра «Кармен». Особенностью центра переводной аттракции, генерируемого новеллой П. Мериме «Кармен» и представленного в современном культурном пространстве мира, можно признать наличие в нем двух ядер-аттракторов — вербального текста П. Мериме и музыкального текста Ж. Бизе. Отмечая бесспорную производность, вторичность гибридного (музыкально-вербального) текста оперы от примарного (вербального) текста новеллы, о чем свидетельствует хронология их создания, можно также предположить, что эстетическая «сила», широкая известность и большая популярность, а также долгосрочная представленность в национальных и мировой культурах оперы существенно повлияла на исходную вторичность музыкального текста, придав ему характеристики первичности, аналогичные первичности текста П. Мериме.

Сложный полисемиотический, полимодальный и полилингвальный конструкт «Кармен», представляющий собой центр переводной аттракции, функционирует в культурном пространстве как сверхтекст, который в данном случае выступает как форма существования не только «сильного» примарного текста художественной литературы, но и «сильного» вторичного музыкального текста, обретшего в силу различных обстоятельств основные параметры первичности (Разумовская 2024). Используя философское понятие бесконечности и понятие бесконечного текста, сравнительно недавно вошедшее в гуманитарный дискурс (Dudley 1997), отметим, что в настоящее время «Кармен» представляет собой практически бесконечный сверхтекст культуры, существующий в культурном континууме современного мира и обладающий как статическими характеристиками, обеспечивающими культурное сохранение и стабильность, так и динамическими, обеспечивающими культурное развитие.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Виноградова, А. С. (2012) Рождение русской Кармен. *Искусство музыки: теория и история*, № 4, с. 88–98.
- Ганзбург, Г. И. (2012) «Кармен». *Либретто. Сопоставительная таблица переводов*. [Электронный ресурс]. URL: https://classic-online.ru/uploads/000_notes/9000/8948.pdf (дата обращения 10.08.2024).
- Гарбовский, Н. К. (2011) Новый перевод: свобода и необходимость. *Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода*, № 1, с. 3–16.
- Кузьмина, Н. А. (2009) *Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации*. Омск: Изд-во ОмГУ, 228 с.
- Разумовская, В. А. (2016) Центры переводной аттракции как результат переводной множественности «сильного» оригинала. В кн.: *Русский язык в мировом контексте и международных организациях: Международный форум: Материалы конференции*. М.: Форум, с. 348–356.
- Разумовская, В. А. (2024) «Сверхтекст» как форма существования «сильного» художественного текста. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, т. 15, № 1, с. 262–275. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275>
- Чеснокова, О. С. (2013) «Кармен» П. Мериме в парадигме интертекстуальности. *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*, № 3 (3), с. 59–68.
- Cadera, S. M., Walsh, A. S. (2022) Retranslation and Reception — a Theoretical Overview. In: *Retranslation and Reception: Studies in a European Context. Approaches to Translation Studies*. Vol. 49. Amsterdam; New York: Brill Publ., pp. 1–20. https://doi.org/10.1163/9789004517875_002
- Christofordis, M., Kertesz, E. (2019) *Carmen and the Staging of Spain. Recasting Bizet's Opera in the Belle Epoque*. New York: Oxford University Press, 328 p. <https://doi.org/10.4000/transposition.3051>
- Dudley, E. J. (1997) *The Endless Text: Don Quixote and the Hermeneutics of Romance (SUNY Series, Margins of Literature)*. Buffalo: State University of New York Press, 342 p.

- Index Translationum: UNESCO Culture Sector*. (2024) [Online]. Available at: <https://www.unesco.org/xtrans/bsform.aspx> (accessed 12.08.2024).
- Prosper Mérimée's "Carmen and Other Stories" published in Persian. (2024) *Tehran Times*, February 17. [Online]. Available at: <https://www.tehrantimes.com/news/495007/Prosper-Mérimée-s-Carmen-and-Other-Stories-published-in-Persian> (accessed 18.08.2024).
- Razumovskaya, V. A. (2019) A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives. *Mundo Eslavo*, no. 18, pp. 202–215.
- Rowden, C., Smith, R. L. (2020) Carmen at Home and Abroad. In: *Carmen Abroad: Bizet's Opera on the Global Stage*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–25. <https://doi.org/10.1017/9781108674515.001>

References

- Cadera, S. M., Walsh, A. S. (2022) Retranslation and Reception — a Theoretical Overview. In: *Retranslation and Reception: Studies in a European Context. Approaches to Translation Studies*. Vol. 49. Amsterdam; New York: Brill Publ., pp. 1–20. https://doi.org/10.1163/9789004517875_002 (In English)
- Chesnokova, O. S. (2013) "Karmen" P. Merime v paradigme intertekstual'nosti ["Carmen" by P. Mérimée in the intertextuality paradigm]. *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki — Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*, no 3 (3), pp. 59–68. (In Russian)
- Christofordis, M., Kertesz, E. (2019) *Carmen and the Staging of Spain. Recasting Bizet's Opera in the Belle Epoque*. New York: Oxford University Press, 328 p. <https://doi.org/10.4000/transposition.3051> (In English)
- Dudley, E. J. (1997) *The Endless Text: Don Quixote and the Hermeneutics of Romance (S U N Y Series, Margins of Literature)*. Buffalo: State University of New York Press, 342 p. (In English)
- Ganzburg, G. I. (2012) "Karmen". *Libretto. Sopostavitel'naya tablitsa perevodov* ["Carmen". *Libretto. Comparative table of translations*]. [Online]. Available at: https://classic-online.ru/uploads/000_notes/9000/8948.pdf (accessed 10.08.2024). (In English)
- Garbovskiy, N. K. (2011) Novyy perevod: svoboda i neobkhodimost' [New translation: Freedom and necessity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda — Moscow University Translation Studies Bulletin*, no. 1, pp. 3–16. (In Russian)
- Index Translationum: UNESCO Culture Sector* (2024) [Online]. Available at: <https://www.unesco.org/xtrans/bsform.aspx> (accessed 12.08.2024).
- Kuzmina, N. A. (2009) *Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny yazyka i kul'tury v intertekstual'noj interpretatsii* [Intertext: The theme with variations. The language and culture phenomena in intertextual interpretation]. Omsk: Omsk State University Publ., 228 p. (In Russian)
- Prosper Mérimée's "Carmen and Other Stories" published in Persian. (2024) *Tehran Times*, February 17. [Online]. Available at: <https://www.tehrantimes.com/news/495007/Prosper-Mérimée-s-Carmen-and-Other-Stories-published-in-Persian> (accessed 18.08.2024). (In English)
- Razumovskaya, V. A. (2016) Tsentry perevodnoj attraktsii kak rezul'tat perevodnoj mnozhestvennosti "sil'nogo" originala [Centers of translation attraction as a result of the translation multiplicity of a "strong" original]. In: *Russkij yazyk v mirovom kontekste i mezhdunarodnykh organizatsiyakh: Mezhdunarodnyj forum: Materialy konferentsii* [Russian language in the global context and international organizations: International Forum: Proceedings of the conference]. Moscow: Forum Publ., pp. 348–356. (In Russian)
- Razumovskaya, V. A. (2019) A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives. *Mundo Eslavo*, no. 18. Granada: Universidad de Granada, pp. 202–215. (In English)
- Razumovskaya, V. A. (2024) "Supertekst" kak forma sushchestvovaniya "sil'nogo" khudozhestvennogo teksta ["Supertext" as a form of a "strong" fiction text existence] *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika — RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics Language*, vol. 15, no. 1, pp. 262–275. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275> (In Russian)
- Rowden, C., Smith, R. L. (2020) Carmen at Home and Abroad. In: *Carmen Abroad: Bizet's Opera on the Global Stage*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–25. <https://doi.org/10.1017/9781108674515.001> (In English)
- Vinogradova, A. S. (2012) Rozhdenie russkoj Karmen [The birth of Russian Carmen] *Iskusstvo muzyki: teoriya i istoriya — Art of Music. Theory and History*, no. 4, pp. 88–98. (In Russian)

УДК 811, 81-11

EDN YADTPP

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-45-53>

Река времени: идеи Э. Д. Сулейменовой в потоке лингвистической мысли (к юбилею дорогого Учителя)

Ш. К. Жаркынбекова ^{✉1}, А. Е. Агманова ¹, А. Р. Сулькарнаева ²

¹ Евразийский национальный университет им. А. Н. Гумилева,
10000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2

² Казахстанский филиал МГУ им. М. В. Ломоносова,
10000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Кажимукана, д. 11

Сведения об авторах

Шолпан Кузаровна Жаркынбекова,
SPIN-код: 7974-6405, Scopus
AuthorID: 55446258300, ORCID:
0000-0002-4160-6215, e-mail:
zharkyn.sh.k@gmail.com

Атиркуль Егембердиевна Агманова,
SPIN-код: 1184-7737, Scopus
AuthorID: 56223933300, ORCID:
0000-0002-9285-0824, e-mail:
agmanova@mail.ru

Асия Рафаиловна Сулькарнаева,
SPIN-код: 1770-9337, Scopus
AuthorID: 57211906946, ORCID:
0000-0001-7377-7310, e-mail:
a-r-s-2008@yandex.ru

Для цитирования:

Жаркынбекова, Ш. К.,
Агманова, А. Е., Сулькарнаева, А. Р.
(2025) Река времени: идеи
Э. Д. Сулейменовой в потоке
лингвистической мысли (к юбилею
дорогого Учителя). *Исследования
языка и современное гуманитарное
знание*, т. 7, № 1, с. 45–53.

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-45-53> EDN YADTPP

Получена 18 марта 2025, принята
28 марта 2025.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Ш. К. Жаркынбекова,
А. Е. Агманова, А. Р. Сулькарнаева
(2025). Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается научное творчество известного казахстанского ученого-лингвиста Э. Д. Сулейменовой и ее влияние на развитие казахстанской лингвистики. В центре внимания — ключевые направления ее исследований, в том числе социолингвистика, теория усвоения второго языка, контрастивная лингвистика, а также языковая политика и межпоколенная передача языка. Рассматриваются методологические принципы, сформировавшиеся в рамках ее научной школы, и их применение в современных гуманитарных исследованиях. Особое внимание уделяется роли Э. Д. Сулейменовой в развитии казахстанской языковой политики, анализу языковой ситуации в стране и изучению факторов, влияющих на билингвальное образование. Исследования ученого охватывают широкий спектр проблем, связанных с функционированием казахского и русского языков в условиях многоязычного общества, динамикой языковых процессов и межкультурной коммуникацией. Работа также освещает вклад Э. Д. Сулейменовой в подготовку нового поколения исследователей, ее влияние на развитие отечественной и международной социолингвистики. Подчеркивается значимость ее трудов для формирования концептуальных основ языкового планирования и сохранения языкового разнообразия в Казахстане. Авторы обращают внимание на важность исследований профессора Э. Д. Сулейменовой для теории билингвализма и практики обучения неродному языку. Анализируются модели усвоения второго языка, разработанные в рамках ее школы, и их влияние на современные исследования речевой деятельности билингвов в Казахстане. Научная школа Э. Д. Сулейменовой продолжает оставаться важной частью лингвистического дискурса, объединяя исследователей, работающих в области лингвистической экспертизы, когнитивной лингвистики и теории коммуникации.

Ключевые слова: казахстанская лингвистика, научная школа Э. Д. Сулейменовой, методологические принципы, социолингвистика, теория усвоения второго языка, контрастивная лингвистика

The River of Time: E. D. Suleimenova's ideas in the flow of linguistic thought (devoted to the anniversary of our dear Teacher)

Sh. K. Zharkynbekova ¹, A. Ye. Agmanova¹, A. R. Sulkarnayeva²

¹ L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satbaev Str., Astana 10000, Kazakhstan

² Kazakhstan Branch of Moscow State University named after Lomonosov,
11 Kazhimukana Str., Astana 10000, Kazakhstan

Authors

Sholpan K. Zharkynbekova,
SPIN: 7974-6405,
Scopus AuthorID: 55446258300,
ORCID: 0000-0002-4160-6215,
e-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

Atirkul Ye. Agmanova,
SPIN: 1184-7737,
Scopus AuthorID: 56223933300,
ORCID: 0000-0002-9285-0824,
e-mail: agmanova@mail.ru

Assiya R. Sulkarnayeva,
SPIN: 1770-9337,
Scopus AuthorID: 57211906946,
ORCID: 0000-0001-7377-7310,
e-mail: a-r-s-2008@yandex.ru

For citation: Zharkynbekova, Sh. K.,
Agmanova, A. Ye., Sulkarnayeva, A. R.
(2025) The River of Time:

E. D. Suleimenova's ideas in the flow
of linguistic thought (devoted to the
anniversary of our dear Teacher).

*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 7, no. 1, pp. 45–53.
[https://doi.org/10.33910/2686-
830X-2025-7-1-45-53](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-45-53) EDN YADTPP

Received 18 March 2025, accepted
28 March 2025.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © Sh. K. Zharkynbekova,
A. Ye. Agmanova, A. R. Sulkarnayeva
(2025). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](#).

Abstract. The article examines the scientific work of the famous Kazakhstani linguist E. D. Suleimenova and her influence on the development of Kazakhstani Linguistics. The focus is on the key areas of her research, including Sociolinguistics, Second Language Acquisition Theory, Contrastive Linguistics, as well as language policy and intergenerational language transmission. The methodological principles developed within her school of thought and their application to contemporary humanities research are examined. Special attention is paid to the role of E. D. Suleimenova in the development of Kazakhstan's language policy, analysing the language situation in the country and studying the factors influencing bilingual education. The scientist's research covers a wide range of issues related to the functioning of the Kazakh and Russian languages in a multilingual society, the dynamics of language processes and intercultural communication. The work also highlights E. D. Suleimenova's contribution to a new generation of researchers, her influence on the development of domestic and international Sociolinguistics. The significance of her works for the formation of conceptual foundations of language planning and preservation of linguistic diversity in Kazakhstan is emphasised. The authors draw attention to the importance of Prof. E. D. Suleimenova's research for the theory of bilingualism and the practice of teaching a non-native language. The models of second language acquisition developed within the framework of her school and their influence on modern research of speech activity of bilinguals in Kazakhstan are analysed. The scientific school of E. D. Suleimenova continues to be an important part of linguistic discourse, uniting researchers working in the field of linguistic expertise, cognitive linguistics and communication theory.

Keywords: Kazakhstani Linguistics, Suleimenova scientific school, methodological principles, Sociolinguistics, theory of second language acquisition, Contrastive Linguistics

В этом году лингвистическое сообщество Казахстана отмечает знаменательное событие — юбилей известного ученого, создателя уникальной научной школы, которая на протяжении многих десятилетий формирует облик современной казахстанской лингвистики — доктора филологических наук, профессора Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой.

Многие из ученых нашей страны прошли через эту школу, став впоследствии признанными учеными, и сегодня развивают собственные научные направления. Вот и мы, ее ученики, хотим поговорить сегодня о масштабе и влиянии идей нашего руководителя на развитие казахстанской лингвистической науки. И в рамках настоящей статьи было решено сосредоточиться на главных вопросах, важных для каждого автора статьи: *Какой ключевой методологический принцип, усвоенный в научной школе Э. Д. Сулейменовой, оказался наиболее ценным в моей исследовательской практике? Как этот принцип повлиял на развитие моих научных взглядов?*

Доктор филологических наук, профессор Жаркынбекова Шолпан Кузаровна: Для меня научная школа профессора Э. Д. Сулейменовой — это не просто совокупность идей и методов, это живой организм, который продолжает развиваться и влиять на современную лингвистику. И юбилей нашего Учителя — это прекрасный повод оглянуться назад, чтобы оценить пройденный путь и рассказать о достижениях научной школы, и повод посмотреть вперед, чтобы увидеть, как идеи профессора Э. Д. Сулейменовой продолжают жить и развиваться в работах ее учеников и последователей. Эта статья — дань уважения нашему Учителю, чьи идеи и подходы стали для нас не только научным ориентиром, но и источником вдохновения.

Научное творчество профессора Э. Д. Сулейменовой поражает многогранностью: от фундаментальных исследований в области теории языка до новаторских идей в сфере социолингвистики. Но, возможно, самым важным ее достижением стало создание атмосферы творческого поиска, научной честности и открытости новым идеям, которая характеризует ее школу. Это не просто академическая традиция, а целый мир идей, в котором язык — живой, динамичный, тесно переплетенный с обществом и культурой.

Элеонора Дюсеновна — не только признанный ученый, но и человек, чьи идеи оказали значительное влияние на развитие казахстанской социолингвистики и языковой политики. Ее исследования охватывают широкий спектр

Э. Д. Сулейменова

E. D. Suleimenova

вопросов, связанных с языковой ситуацией, языковым планированием, этнолингвистикой и межпоколенной передачей языка. Они помогают лучше понять сложные процессы, происходящие в языковой сфере Казахстана, и предлагают пути решения актуальных проблем, связанных с сохранением языкового разнообразия и укреплением национальной идентичности.

В своих работах Э. Д. Сулейменова подробно анализирует языковую ситуацию в Казахстане, которая формировалась под влиянием исторических, демографических и политических факторов. Ее исследования показывают, как языковая политика, направленная на укрепление статуса казахского языка как государственного, сосуществует с сохранением функций русского языка как языка межнационального общения (Сулейменова, Смагулова 2005). Почти в каждой своей работе Элеонора Дюсеновна подчеркивает, что казахский язык является основой казахстанской государственности, а сохранение русского языка способствует интеграционным процессам в рамках СНГ.

Важным вкладом в понимание языковой ситуации в стране стала коллективная работа «Языки народов Казахстана» (Сулейменова и др. 2007), подготовленная под руководством Э. Д. Сулейменовой. В ней дано системное описание языков всех этносов, проживающих на территории Казахстана, представлен анализ их типологических и генеалогических характеристик. Вопросы этнолингвистического разнообразия Казахстана, в котором проживают

представители более 126 этнических групп, рассматриваются сквозь призму важности сохранения языков малых этнических групп, многие из которых находятся под угрозой исчезновения. Рассмотренные в этом объемном труде аспекты — демографическая неравносность, экзогlossenность, полисубъектность — являются значимыми для понимания сложной языковой динамики Казахстана, где сосуществуют казахский, русский и множество других языков. Описание витальности казахского и русского языков дает исследователям инструмент для оценки их реального статуса и перспектив. Витальность языка — это его способность сохраняться и развиваться, и в казахстанском контексте этот вопрос особенно важен, учитывая необходимость укрепления позиций государственного казахского языка при сохранении функциональной роли русского.

Роль языка в формировании национальной идентичности — еще одна ключевая тема ее работ. В работе «Очерк языковой политики и языковой ситуации в Казахстане» (Сулейменова 2009) показано, как языковая политика влияет на интеграцию различных этнических групп, подчеркивая, что сохранение русского языка важно для межнационального общения, а казахский язык остается символом этнической и гражданской идентичности.

Особое внимание Э. Д. Сулейменова уделяет проблемам передачи языка между поколениями, особенно в условиях глобализации и изменения языковых предпочтений. В статье «Языковая трансмиссия и казахский язык» (Сулейменова 2019) речь идет о том, как в советский период была разорвана межпоколенная передача казахского языка, особенно в городской среде, как казахский язык восстанавливает свои позиции в качестве родного языка и как это влияет на этническую и языковую идентичность казахов. Выделяя три типа межпоколенных отношений: постфигуративные (передача знаний от старших к младшим), кофигуративные (передача знаний внутри одного поколения) и префигуративные (передача знаний от младших к старшим), ученый останавливается на том, что в современном Казахстане наблюдается переход от постфигуративных к префигуративным отношениям, что связано с изменением языковых установок и роли казахского языка в обществе.

Один из главных принципов, который я усвоила благодаря Учителю, — это понимание языка как сложного социального феномена, который нельзя изучать в отрыве от его носителей, от реальной коммуникации, от контекста,

в котором он существует и развивается. Этот принцип во многом сформировал научный взгляд и определил направление исследований. Вопросы языка и идентичности, функционирования языков в условиях языковой ситуации Казахстана, лингвистический ландшафт городского пространства, ономастические исследования — это отражение современных процессов, где переплетаются традиции и новые идеи. Благодаря методологическому подходу, заложенному Э. Д. Сулейменовой, мы не просто фиксируем изменения в речи, но стремимся понять, что стоит за ними: какие ценности, какие социальные запросы, какие скрытые механизмы взаимодействия культур.

Элеонора Дюсеновна научила видеть язык не только в его структуре, но и в его душе — в эмоциях, в идентичности, в выборе слов, который делает человек, вступая в диалог с миром. И этот взгляд я несу в своих научных работах, развивая идеи, заложенные моим научным руководителем.

Элеонора Дюсеновна создала научную школу, которая объединяет исследователей, занимающихся вопросами языковой политики, социолингвистики и межкультурной коммуникации. Под ее руководством защищены десятки диссертаций, что способствует развитию научных кадров в Казахстане. Ее работы легли в основу государственных программ по развитию языков, а ее участие в Научно-экспертном совете Ассамблеи народа Казахстана помогло сформировать стратегию этноязыкового развития страны. Ее работы стали основой для многих законодательных инициатив в области языковой политики.

И еще одно качество Элеоноры Дюсеновны я бы хотела отметить: ее умение ценить людей, помнить о тех, кто повлиял на ее становление как ученого. Ведь научное сообщество строится не только на открытиях и теориях, но и на личных связях между учеными, на уважении к тем, кто проложил путь последующим поколениям. Книга «Очерки о лингвистах», изданная в 2020 году (Сулейменова 2020), — это не просто сборник биографий и оценок научных достижений. Это признание роли наставников, коллег и предшественников, тех, кто посвятил свою жизнь развитию лингвистики и чье влияние продолжается через труды их учеников.

Каждый ученый стоит на плечах гигантов — людей, чьи идеи вдохновляют, направляют и становятся основой для новых исследований. В книге подчеркивается, что память о наставниках — это не формальность, а важная часть

научной культуры. Уважение к их труду помогает осознавать масштабы лингвистического наследия, усиливать понимание проблем и избегать повторения ошибок. Для Э. Д. Сулейменовой этот аспект особенно важен. Ее исследовательский путь формировался под влиянием крупных ученых, изучавших теорию языка, семантику слова, языковую ситуацию в многоязычном обществе. Кроме учителей, в книге внимание уделяется современникам — коллегам, с которыми Элеонора Дюсеновна разделяла научный путь. Эти люди не только дополняют и расширяют исследования, но и создают интеллектуальную среду, в которой рождаются новые идеи.

В казахстанской лингвистике немало исследователей, чей вклад в изучение языковой политики, билингвизма, теории усвоения второго языка, лексикографии и т. д. заслуживает признания. «Очерки о лингвистах» помогают сохранить их имена в истории науки и показать молодым исследователям, что каждое открытие — результат коллективных усилий. Наука развивается благодаря преемственности: знания передаются от учителя к ученику, от одного поколения исследователей к другому. Книга Э. Д. Сулейменовой напоминает о важности этой цепочки и о том, что великие идеи не существуют в вакууме. Они формируются в среде ученых, которые спорят, поддерживают друг друга, вдохновляют и продолжают традиции. Для молодых исследователей это особенно ценно: осознавая вклад предшественников, они могут найти свое место в науке, уважать и развивать накопленный опыт. А память о наставниках и коллегах становится не только данью уважения, но и источником силы для будущих поколений ученых.

Доктор филологических наук, профессор Агманова Атиркуль Егембердиевна: Безусловно, Элеонора Дюсеновна оказала значимое влияние на определение проблематики научных изысканий, на становление не одного поколения ученых-лингвистов. Практика показала жизнеспособность, большой научный потенциал методологических принципов научной школы профессора Э. Д. Сулейменовой. Очевидны и неоспоримы авторитет и позитивное влияние этой научной школы на ход развития современной казахстанской лингвистики, признание ее достижений как отечественным, так и зарубежным научным сообществом, включенность ее в пространство лингвистических изысканий на мировом уровне.

Одним из успешно развивающихся направлений Сулейменовской научной школы явля-

ется Теория усвоения второго языка. Методологические принципы комплексного изучения процесса билингвализации личности, изложенные Элеонорой Дюсеновной в многочисленных статьях и таком фундаментальном труде, как «Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики» (Сулейменова 1996), стали базой, определившей основные направления отечественных исследований в области теории усвоения второго языка. Основополагающими, на наш взгляд, стали положения и выводы профессора Э. Д. Сулейменовой о креативном характере процесса усвоения второго языка, о целесообразности исследования такого сложного и многоаспектного явления с позиций различных дисциплин — психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингводидактики, поскольку «феномен лингвистического развития личности во втором языке — это не простое получение информации, а онтогенез личности во втором языке, интериоризация нового знания и нового опыта, реализация языковой способности человека на новом уровне» (Сулейменова 1996, 80). Оригинальные гипотезы и теории усвоения второго языка, разработанные в рамках данного направления, содержат научное обоснование предлагаемых моделей овладения вторым языком и имеют непосредственный выход в практику обучения неродному языку: психолингвистический анализ усвоения глагольных форм в онтогенезе (И. М. Винницкая), Теория модульного овладения вторым языком (А. В. Екшембеева), Теория алгоритмизированного синтаксиса (Ж. А. Нуршаихова, Г. А. Мусаева), Интегративная теория усвоения неродного языка (Г. Е. Утебалиева), Предикатоцентрическая теория усвоения второго языка (А. Е. Агманова).

Научные изыскания молодых ученых, развивающие и уточняющие положения представленных моделей овладения вторым языком, подтверждают результативность и перспективность теорий усвоения неродного языка, разработанных казахстанскими лингвистами. Проблематика этих работ касается как конкретных вопросов теории усвоения второго языка, например, модели описания изучаемой языковой системы в учебных целях, когнитивного, психолингвистического, прагматического, лингвокультурологического аспектов овладения языком, так и связана с реализацией определенных исследовательских задач при изучении особенностей речевой деятельности билингвов в социокультурном пространстве современного Казахстана.

Кандидат филологических наук, доцент Сулькарнаева Асия Рафаиловна: Значительным вкладом в казахстанскую лингвистику стали труды нашего Учителя — профессора Э. Д. Сулейменовой — в области контрастивной лингвистики, теории языка, сопоставительного языкознания, теории номинации. Особое внимание, с нашей точки зрения, необходимо обратить на научные изыскания, в которых показана роль антропоцентрической парадигмы: «Соотношение идентифицирующей лексической номинации» (Сулейменова 1985); «Коммуникативный аспект языковой номинации» (Сулейменова 1986); «Национально-культурная специфика и проблемы двуязычия» (Сулейменова 1990); «Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики» (Сулейменова 1996); «Картина мира и знание двух языков» (Сулейменова 1997) и многие другие.

Эти работы дали новый виток развития казахстанским научным исследованиям в казахском, русском, английском, немецком и других языках под руководством Учителя: М. Р. Есимжанова (1998), Ж. К. Омиралиева (1999), Н. С. Пак (2000), С. К. Сансызбаева (2001), А. М. Еримбетова (2002), Н. Г. Карменов (2002), А. Х. Азаматова (2003), М. Х. Абилгалиева (1992), Г. И. Байгунисова (1998), А. И. Ахметжанова (1995, 2003), Р. Е. Валиханова (1999), А. К. Казкенова (2002), Т. Т. Абдрахманова (2003), Юань Яньпинь (2003) и многие другие.

Новое понимание сути соматического кода языка и культуры было отображено в работах учеников Э. Д. Сулейменовой: А. М. Еримбетовой, М. Р. Есимжановой, Н. С. Пак, И. А. Жуламановой, С. К. Сансызбаевой, А. Р. Сулькарнаевой, Г. М. Тасыбаевой и других. Интереснейшим исследованием в этой области стала работа Э. Д. Сулейменовой «‘По мерке человека’: материалы к словарю казахских и русских цельноформленных *verba anatomica*» (Сулейменова и др. 2020), где показаны результаты анализа *Verba Anatomica* в казахском и русском языках через призму антропоцентризма:

Человек, активно осваивающий мир, измеряющий и познающий его, фиксирует свои знания в знаках, символах и текстах, содержащих также в качестве исходных единиц имена частей тела как ‘мерку’, точку отсчета. Так познание мира превращается в познание самого себя и, наоборот, знание о себе помогает познанию мира (Сулейменова и др. 2020, 225).

Многогранность и глубина научного познания Учителя показывает ученикам ее подход к жизни и языку — *Lingua in vita, vita in lingua*, девиз, ставший названием конференции и сборника статей «Жизнь языка и язык в жизни» (Шаймерденова 2005). Действительно, река времени несет поток научного знания Языка и Жизни через ее учеников, и далее уже через их учеников к бескрайним берегам лингвистического познания. Сулейменовская школа всегда отличалась качеством, и здесь будет уместно сказать «*Non multa, sed multum*», поскольку работы Учителя продолжают развиваться в работах многих отечественных и зарубежных исследователей.

Выступления Элеоноры Дюсеновны на крупных международных конференциях всегда вызывают особый интерес, а публикации в ведущих научных изданиях способствуют популяризации казахстанской науки на мировой арене. В историю казахстанской лингвистики вошли и знаковые научные мероприятия (скажем без ложной скромности) под руководством Учителя и учеников: XIV Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире» (Астана, ЕНУ, 2019); регулярные научные мероприятия КАЗПРЯЛ (Алматы, КазНУ); ежегодные «Ахановские чтения» (Алматы, КазНУ) и многие другие.

Нас, учеников Элеоноры Дюсеновны, всегда удивляли и восхищали смелость и актуальность выдвигаемых ею идей, глубина принимаемых исследовательских решений, неиссякаемая творческая энергия, креативность, удивительная работоспособность, ее исключительное человеческое обаяние. Трудолюбие, неподражаемая интеллигентность, принципиальность — ее жизненные принципы.

В преддверии юбилея хотелось бы еще раз выразить свою искреннюю признательность и глубокое уважение! Ваш вклад в развитие лингвистической науки, уважаемая Элеонора Дюсеновна, бесценен, а Ваша энергия, мудрость и преданность делу вдохновляют целые поколения исследователей. Вы научили нас не только анализировать язык, но и чувствовать его, понимать его силу, его роль в жизни общества. Пусть этот юбилей станет еще одной яркой вехой на Вашем научном пути, а впереди ждут новые открытия, глубокие исследования и благодарные ученики. Здоровья, счастья, вдохновения и нескончаемой любви к науке, которой Вы посвятили свою жизнь!

Из библиографического списка доктора филологических наук, профессора Э. Д. Сулейменовой

- Сулейменова, Э. Д. Понятие смысла в современной лингвистике. Алма-Ата: Мектеп, 1989. — 160 с.
- Сулейменова, Э. Д., Шаймерденова, Н. Ж., Мадиева, Г. Б., Авакова, Р. А. Словарь по языкознанию (на казахском и русском языках). Алматы: Ғылым, 1998. — 540 с.
- Сулейменова, Э. Д. Актуальные проблемы казахстанской лингвистики: 1991-2001: Материалы к докл. на Междунар. конф. МАПРЯЛ ("Рус. яз. в соц.-культур. пространстве XXI", 10–12 сент. 2001 г. Алматы: Арыс, 2001. — 82 с.
- Сулейменова, Э. Д., Алдаш, А., Алдаш, Ж., Аканова, Д. Ресми-іскери қазақ тілі. Бірінші деңгей. Екінші деңгей. Үшінші деңгей. Официально-деловой язык. Первый уровень. Второй уровень. Третий уровень. Алматы: Арман ПВ, 2002. — 408 с.
- Сулейменова, Э. Д. Архетип 'гадкого утенка' и языковая идентичность. В кн.: Н. Ж. Шаймерденова (ред.) Язык и идентичность: Международная научно-теоретическая конференция. Ахановские чтения (12–13 мая 2006, Алматы). Алматы: Қазақ университеті, 2006 — С. 15–25.
- Сулейменова, Э. Д., Акберди, М. И., Ибраева, Ж. К., Мадиева, Г. Б. Сулейменова Э. Д. (ред.) Динамика языковой ситуации в Казахстане. Алматы: НВ-сервис, 2010. — 387 с.
- Сулейменова, Э. Д. Макросоциоллингвистика. Алматы: Қазақ университеті, 2011. — 404 с.
- Сулейменова, Э. Д. Языковые процессы и политика. Алматы: Қазақ университеті. 2011. — 117 с.
- Сулейменова, Э. Д., Акберди, М. И., Койшыбаева, Г. Выбор языка и корреляции языковой трансмиссии. Алматы: Қазақ университеті, 2016. — 184 с.
- Сулейменова, Э. Д. Язык как ресурс мягкой силы. 2-е изд., дополн. Алматы: Қазақ университеті, 2018. — 118 с.
- Сулейменова, Э. Д., Шаймерденова, Н. Ж., Смагулова, Ж. С., Аканова, Д. Х. Словарь социоллингвистических терминов. 2-е изд., доп. Алматы: Арман-ПВ, 2020. — 330 с.
- Сулейменова, Э. Д., Шаймерденова, Н. Ж. Қазақстан тілдері әлеуметтік лингвистика анықтамалығы. Языки Казахстана: социоллингвистический справочник. Алматы: Золотая книга, 2020. — 480 с.

From the bibliographic list of Dr. E. D. Suleimenova

- Suleimenova, E. D. Ponyatie smysla v sovremennoj lingvistike [The concept of meaning in modern linguistics]. Almaty: Mektep Publ., 1989. 160. (In Russian)
- Suleimenova, E. D., Shaimerdenova, N. Zh., Madiyeva, G. B., Avakova, R. A. E. D. Suleimenova (ed.) Slovar' po yazykoznaniiyu (na kazakhskom i russkom yazykakh) [Dictionary of linguistics (in Kazakh and Russian languages)]. Almaty: Gylym Publ., 1998. 540 p. (In Russian and Kazakh)
- Suleimenova, E. D. Aktual'nye problemy kazakhstanskoy lingvistiki: 1991-2001. Materialy` k dokl. na Mezhdunar. konf. MAPRYAL ("Rus. yaz. v socz.-kul`tur. prostranstve XXI", 10-12 sent. 2001 g.) [Actual problems of Kazakhstani linguistics: 1991-2001. Materials for the report on the International Conference MAPRYAL ("The Russian language in the socio-cultural space of the 21st", September 10-12, 2001)]. Almaty: Arys Publ., 2001. 84 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D., Aldash, A., Aldash, Zh., Akanova, D. Ресми-іскери қазақ тілі. Бірінші деңгей. Екінші деңгей. Үшінші деңгей. Ofitsial'no-delovoy yazyk. Pervyj-tretij uroven' [Official-business language. First-third level]. Almaty: Arman-PV Publ., 2002. 408 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D. Arkhetip 'gadkogo utenka' i yazykovaya identichnost' [The archetype of 'the ugly duckling' and language identity]. In: N. Zh. Shajmerdenova (ed.) azy ki identichnost': Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferenciya. Ahanovskie chteniya (12-13 maya 2006, Almaty) [Language and identity. Proceedings of International scientific-theoretical conference Akhanov conference, 12–13 May 2006, Almaty]. Almaty: Kazakh University, 2006. Pp. 15–25. (In Russian)
- Suleimenova, E. D., Akberdi, M. I., Ibraeva, Zh. K., Madiyeva, G. B. Suleimenova E. D. (ed.) Dinamika yazykovoj situatsii v Kazakhstane [Dynamics of the language situation in Kazakhstan]. Almaty: NV-Service Publ., 2010. 387 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D. Makrosotsiolingvistika [Macrosociolinguistics]. Almaty: Kazakh University, 2011. 404 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D. Yazykovye protsessy i politika [Language processes and politics]. Almaty: Kazakh University, 2011. 117 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D., Akberdi, M., Koishybaeva, G. Vybor yazyka i korrelyatsii yazykovoj transmissii [Language choice and correlations of language transmission]. Almaty: Kazakh University, 2016. 187 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D. Yazyk kak resurs myagkoj sily: monografiya [Language as a soft power resource: monograph]. 2nd ed., revised. Almaty: Kazakh University, 2018. 118 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D., Shaimerdenova, N. Zh., Smagulova, Zh. S., Akanova, D. Kh. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. 2nd ed., revised. Almaty: Arman-PV Publ, 2020. 330 p. (In Russian)

Suleimenova, E. D., Shaimerdenova, N. Zh. Qazaqstan tilderi aleumettik lingvistika anyktamalygy. Yazyki Kazakhstana: sotsiolingvisticheskij spravochnik [Languages of Kazakhstan: Sociolinguistic reference book]. Almaty: Zolotaya kniga Publ., 2020. 480 p. (In Kazakh)

Литература

- Сулейменова, Э. Д. (1985) Соотношение идентифицирующей лексической номинации структуры высказывания. В кн. Х. М. Сайкиев (ред.). *Исследования по стилистике художественной речи*. Алма-Ата: КазГУ, с. 138–153.
- Сулейменова, Э. Д. (1986) Коммуникативный аспект языковой номинации. В кн.: В. Г. Костомаров (ред.). «Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы»: *Материалы VI Межд. Конгресса преп. русск. яз. и лит. МАПРЯЛ*. М.: Русский язык, с. 176–177.
- Сулейменова, Э. Д. (1990) Национально-культурная специфика и проблемы двуязычия. В кн. С. К. Санбаев (ред.). *Перестройка и художественная культура*. Алма-Ата: Онер, с. 96–107.
- Сулейменова, Э. Д. (1996) *Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики*. Алматы: Демей, 207 с.
- Сулейменова, Э. Д. (1997) Картина мира и знание двух языков. В кн. *Проблемы зiставноi семантики. Материалы Международной научной конференции*. Киев: [б. и.], с. 13–16.
- Сулейменова, Э. Д. (2009) Очерк языковой политики и языковой ситуации в Казахстане. *Russian Language Journal*, т. 59, с. 21–36.
- Сулейменова, Э. Д. (2019) Языковая трансмиссия и казахский язык. *Tiltanym*, № 2, с. 49–57.
- Сулейменова, Э. Д. (2020) *Очерки о лингвистах*. Алматы: Қазақ университеті, 172 с.
- Сулейменова, Э. Д., Смагулова, Ж. С. (2005) *Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане*. Алматы: Қазақ университеті, 343 с.
- Сулейменова, Э. Д., Шаймерденова, Н. Ж., Аканова, Д. Х. (2007) *Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник*. Алматы: Арман-ПВ, 304 с.
- Сулейменова, Э. Д., Шаймерденова, Н. Ж., Аканова, Д. Х. (2020) «По мерке человека»: материалы к словарю казахских и русских цельнооформленных verba anatomica. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, № 6-2, с. 218–226. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.218>
- Шаймерденова, Н. Ж. (ред.). (2005) *Жизнь языка и язык в жизни: сб. статей, посвящ. юбилею Э. Д. Сулейменовой*. Алматы: Қазақ университеті, 478 с.

References

- Shaimerdenova, N. J. (ed.). (2005) *Zhizn' yazyka i yazyk v zhizni: sb. statej, posvyashh. yubileyu E'. D. Sulejmenovoj* [The Life of Language and Language in Life. Festschrift in honour of E. D. Suleimenova: Collection of articles]. Almaty: Kazak University, 478 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D. (1985) Sootnoshenie identiftsiruyushchej leksicheskoy nominatsii i struktury vyskazyvaniya [The relationship of the identifying lexical nomination of the structure of the utterance]. In: Kh. M. Sajkiev (ed.). *Issledovaniya po stilistike khudozhestvennoj rechi* [Research on the stylistics of artistic speech]. Alma-Ata: Kazakh University Publ., pp. 138–153 (In Russian)
- Suleimenova, E. D. (1986) Kommunikativnyj aspekt yazykovoj nominatsii [Communicative aspect of language nomination]. In: V. G. Kostomarov (ed.). «Nauchnye traditsii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury»: *Materialy VI Mezhd. Kongressa prep. russk. yaz. i lit. MAPRYaL*. [Scientific Traditions and New Directions in Teaching Russian Language and Literature: Proceedings of the VI Congress of MAPRYAL]. Moscow: Russkij yazyk Publ., pp. 176–177 (In Russian)
- Suleimenova, E. D. (1990) Natsional'no-kul'turnaya spetsifika i problemy dvuyazychiya [National and cultural specificity and problems of bilingualism]. In: S. K. Sanbaev (ed.). *Perestrojka i khudozhestvennaya kul'tura*. [Perestroika and Artistic Culture]. Alma-Ata: Oner Publ., pp. 96–107 (In Russian)
- Suleimenova, E. D. (1996) *Kazakhskij i russkij yazyki: osnovy kontrastivnoj lingvistiki* [Kazakh and Russian languages: The basics of contrastive linguistics]. Almaty: Demeu Publ., 167 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D. (1997) Kartina mira i znanie dvukh yazykov [Picture of the world and knowledge of two languages]. In: *Problemi zistavnop semantiki: Materialy vezhdynarodnoi nauchnoi konferencii* [Problems of Compound Semantics. Proceedings of the International Scientific Conference]. Kiev: [s. n.], pp. 13–16. (In Russian)
- Suleimenova, E. D. (2009) Oчерk yazykovoj politiki i yazykovoj situatsii v Kazakhstane [An essay on language policy and the language situation in Kazakhstan]. *Russian Language Journal*, vol. 59, pp. 21–36. (In Russian)
- Suleimenova, E. D. (2019) Language transmission and the Kazakh language [Language transmission and kazakh language]. *Tiltanym*, no 2, pp. 49–57. (In Russian)
- Suleimenova, E. D. (2020) *Oчерki o lingvistakh* [Essays on linguists]. Almaty: Kazakh University Publ., 172 p. (In Russian)

- Suleimenova, E. D., Smagulova, Zh. S. (2005) *Yazykovaya situatsiya i yazykovoe planirovanie v Kazakhstane* [Language situation and language planning in Kazakhstan]. Almaty: Kazakh University Publ., 343 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D., Shaimerdenova, N. Zh., Akanova, D. Kh. (2007) *Yazyki narodov Kazakhstana. Sotsiolingvisticheskiy spravochnik* [Languages of the peoples of Kazakhstan. Sociolinguistic reference book]. Almaty: Arman-PV Publ., 304 p. (In Russian)
- Suleimenova, E. D., Shaimerdenova, N. Zh., Akanova, D. H. (2020) “Po merke cheloveka”: materialy k slovaryu kazahskikh i russkikh tsel’nooformlennykh verba anatomica [“The Measure of a Man”: Materials for a Dictionary of Kazakh and Russian Whole-Formed Verba Anatomica]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly — Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 6-2, pp. 218–226. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.218> (In Russian)

УДК 8.1

EDN YFFIGY

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-54-62>

Обзор арт-педагогических практик в контексте интегрированного обучения иностранным языкам

А. К. Никитина ^{✉1}

¹ Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского, 191002, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, д. 11–13

Сведения об авторе

Лариса Константиновна Никитина,
SPIN-код: 7035-8371, e-mail:
appo@obr.gov.spb.ru

Для цитирования:

Никитина, А. К. (2025) Обзор арт-педагогических практик в контексте интегрированного обучения иностранным языкам. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 7, № 1, с. 54–62. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-54-62>
EDN YFFIGY

Получена 6 октября 2024; принята 2 ноября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. К. Никитина (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Технологии интегрированного обучения иностранному языку с использованием арт-педагогических приемов предполагают предметно-языковое взаимодействие, межпредметные связи и метапредметные (универсальные) учебные действия. В статье представлен анализ и опыт использования арт-педагогических и цифровых практик на уроках иностранного языка (английского и немецкого), успешно реализующих интегрированное обучение на стыке гуманитарных и художественно-прикладных дисциплин. Арт-стилистика современного обучения иностранному языку предполагает предметно-языковую интеграцию, взаимодействие разнообразного контента мировой художественной и прикладной культуры, соответствующих приемов и подходов в освоении языкового материала и речевой деятельности. Урок иностранного языка может проходить в tandem нескольких преподавателей (литературы, музыки, технологий, театральной режиссуры). Арт-педагогические приемы обогащают дидактику обучения иностранным языкам новыми методами, формами и приемами — учащиеся осваивают новые речевые структуры и новый дискурс вербального поведения: наблюдение, описание, интерпретацию, умозаключение, литературно-художественное и прикладное творчество. Арт-педагогический контент урока с использованием межпредметных связей повышает эффективность обучения иностранному языку путем активного присвоения учащимися знаний и умений в практической деятельности. Приводится опыт учителей иностранного языка, которые активно и успешно применяют современные арт-педагогические приемы и арт-цифровые инструменты: театрально-игровую деятельность, литературно-художественный и прикладной аудио/видео контент, минибуклинг, оригами, цифровой арт-дизайн доступных электронных образовательных платформ. Интеграция образовательных областей и прикладного творчества формирует познавательный интерес обучающихся, позволяет систематизировать знания, способствует развитию внимания, воображения, памяти, мышления, формирует поведенческие, психомоторные, социокоммуникативные умения и смысловые ориентиры личности.

Ключевые слова: Арт-педагогические практики, интегрированное обучение, арт-составляющие урока иностранного языка, эмоциональный интеллект, эстетический иммунитет, арт-цифровые практики, арт-цифровые ресурсы, прикладное творчество, минибуклинг

Review of art-pedagogical practices in the context of integrative methods of teaching of foreign languages

L. K. Nikitina ¹

¹ St. Petersburg Academy for Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky,
11–13 Lomonosova Str., Saint Petersburg 191002, Russia

Author

Larisa K. Nikitina, SPIN: 7035-8371,
e-mail: appo@obr.gov.spb.ru

For citation: Nikitina, L. K. (2025)
Review of art-pedagogical practices
in the context of integrative methods
of teaching of foreign languages.

*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 7, no. 1, pp. 54–62.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2025-7-1-54-62> EDN YFFIGY

Received 6 October 2024; accepted
2 November 2024.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © L. K. Nikitina (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. Technologies of integrated teaching of a foreign language using art-pedagogical techniques involve subject-language interaction, interdisciplinary connections and meta-subject (universal) activities. The article presents the analysis and experience of using art-pedagogical and digital practices in foreign language lessons (English and German) as integrative learning strategies, successfully implementing connections between different areas of humanitarian knowledge and art activities. The art style of modern foreign language teaching involves Content and Language Integrated Learning and interaction of various subjects, techniques and approaches world artistic and applied culture in mastering vocabulary, grammar and pronunciation and speech activity. Sometimes a foreign language lesson can be taught in tandem by several teachers (literature, music, technology, theater directing). Art-pedagogical techniques enrich the didactics of teaching foreign languages with new methods, forms and techniques — students master new speech structures and a new discourse of verbal behavior: observation, description, interpretation, inference, literary and artistic and applied creativity. The art-pedagogical lesson content enhances efficiency of foreign language teaching through the acquisition of knowledge and skills by students in practical activities. Now teachers eagerly use modern art-pedagogical techniques and art-digital tools: theatrical and gaming activities, literary, artistic and applied audio/video content, minibooking, origami, digital art design. The integration of educational areas forms the cognitive interest of students, allows for the systematization of knowledge, promotes the development of attention, imagination, memory, thinking, and forms the behavioral, psychomotor, socio-communicative and moral traits of the student's personality.

Keywords. Art pedagogical practices, integrative learning strategies, art components of a foreign language lesson, emotional intelligence, aesthetic immunity, digital art practices, art-digital tools, applied art, minibooking

Методологические концепты интегрированного обучения

Немного истории. В системе образования XIX–XX веков преобладал предметоцентризм: учебные предметы существовали как автономные образовательные циклы. Однако ученые отметили, что при таком подходе не формируется целостная картина мира, знания не взаимосвязаны и усваиваются фрагментарно. На рубеже веков появились педагоги-новаторы — предвестники современных педагогических концептов в преподавании школьных дисциплин и иностранного языка. В частности, Рудольф Штайнер (Швейцария) был основателем вальдорфской педагогики, приверженцем антропософского учения*; Селестен Френе (Франция)

предложил метод свободных текстов и их издание в школьной типографии; Фридрих Фребель (Германия) был убежден, что развитие мелкой моторики положительно влияет на речь и делает чувственный опыт ребенка осмысленным и осознанным. Не обойтись в этом списке без автора известного педагогического кредо «Помоги мне это сделать самому» Марии Монтессори (Италия).

В отечественной педагогике о связи эстетического и умственного развития, об эвристическом и интегрированном обучении, предполагающем синтез знаний, одними из первых начали говорить К. Д. Ушинский и П. Ф. Каптерев. Уже в начале XX века они вывели формулу «хорошего урока»: интересен, основательно проработан, имеет ряд упражнений для ума, души и воли; зависит от содержания и от личности педагога, который должен поддерживать внешний интерес и ясность доступностью изложения,

* В вальдорфской системе преподавания предметы преподаются эпохами — с полным погружением в область знаний и на стыке других дисциплин.

равновесием фактов и идей, артистизмом, риторикой, наглядностью, развивать способности мыслить и действовать (Лебедев 2001).

Прогрессивные идеи педагогов-мыслителей прошлого столетия сохраняют актуальность в современной методологии урока иностранного языка.

Сегодня ведущим педагогическим приемом обучения, в том числе иностранных языков, являются системно-деятельностный и личностно-ориентированный подходы. В практику урока иностранного языка успешно входят технологии интегрированного обучения в тандеме нескольких преподавателей — иностранного и русского языков, литературы, мировой художественной культуры, музыки, труда. Технологии интегрированного обучения иностранному языку с использованием арт-педагогических приемов предполагают предметно-языковое взаимодействие на стыке нескольких гуманитарных дисциплин и реализуются через:

- выраженный культурологический контент урока, имеющий ценностно-смысловую направленность;
- мультисредовое образовательное пространство с использованием всех каналов информации — аудио/видео, тактильность и анимация;
- деятельностный формат обучения — проектные исследования на стыке различных гуманитарных дисциплин;
- технологии критического и лингвокреативного мышления, ориентированные на мировоззренческие концепты;
- арт-педагогические практики и обновленный арт-цифровой дизайн урока (Сысоев, Завьялов 2021, 33–34).

Интеграция образовательных областей формирует познавательный интерес, позволяет систематизировать знания, способствует развитию внимания, воображения, памяти, мышления учащихся, повышению уровня их обученности и воспитанности, т. е. формирует поведенческие, психомоторные, социо-коммуникативные компетенции и духовно-нравственные ориентиры личности (Копытин 2020, 10–14).

Дидактический потенциал арт-педагогических приемов

Арт-педагогические практики в контексте интегрированного обучения иностранным языкам выполняют три основные функции педагога: обучать, развивать, воспитывать. Специфической, только им присущей целью является формирование этического, эстетического и эмоциональ-

ного интеллектов личности. Арт-практики дают обучающимся метазнания, формируют метаумения — широкий спектр интеллектуальных действий — от воспроизведения к применению, анализу, сравнению и оцениванию.

Психолого-педагогический потенциал арт-педагогических приемов обучения базируется на теории активного познания, когда самостоятельный поиск или открытие знаний, а также приобретение навыков и умений осуществляется через личное переживание. Присвоение знаний осуществляется через инструментальный контент других дисциплин — музыки, искусства, природоведения, графики (Перминова 2021, 18–22).

Арт-педагогические техники реализуют классическую дидактику урока: они помогают не только освоить новую тематическую лексику, новые грамматические понятия и структуры, новые мировоззренческие понятия — мнения, суждения, исторические факты, но и лучше запомнить пройденный материал урока. При взаимодействии с другими знаниями — через ассоциативную и эмоциональную память — новые знания переходят из оперативной памяти в долговременную. Такое запоминание информации гарантирует ее своевременное извлечение — вспоминание в нужное время и в нужном контексте.

Межпредметные связи арт-педагогических (и цифровых) практик обогащают дидактику обучения иностранным языкам новыми методами, формами и приемами — учащиеся осваивают новые речевые структуры и новый дискурс вербального поведения: наблюдение, описание, интерпретация, умозаключение, литературно-художественное и прикладное творчество.

Дидактические приемы в реализации арт-педагогического контента урока иностранного языка доступны и целесообразны на всех этапах обучения:

- они создают обучающую метасреду, в которой используется разнообразный инструментарий, в том числе цифровой;
- активизируют мотивационную и познавательную активность обучающихся с опорой на эмоциональный и эстетический интеллект;
- способствуют формированию мультисенсорного мышления (заучивать слова и воспроизводить тексты в цвете, звуке, слове, движении, анимации и цифре);
- создают личностные ценностно-смысловые установки и повышают воспитательный и развивающий потенциал урока иностранного языка;

- обеспечивают дифференцированный подход в работе с немотивированными и/или одаренными обучающимися, так как ориентированы на достижение и успех (Ефимова 2023, 91–92).

Примеры использования арт-педагогических практик в обучении иностранным языкам

Арт-педагогические практики, используемые в урочной и внеурочной деятельности, могут быть реализованы в трех направлениях:

1. Использование на уроке художественно значимого культурологического контента — музыки, литературы, искусства.
2. Применение собственно арт-педагогических техник смешанного формата: художественное и прикладное творчество.
3. Цифровая трансформация обучающего контента урока: компьютерный арт-дизайн, компьютерная инфографика, арт-цифровые ресурсы, аудио-/видео контент.

В основе передового опыта представленных в статье практик лежат «пережитое знание» и педагогическая аксиома: «Скажи мне — и я забуду. Покажи мне — и я запомню. Вовлеки меня — и я научусь»*.

Пример 1. Арт-практикум «Камни с посланиями» (**Botschaften auf Stein** — Kleine Kunstwerke zum Freuen, Behalten und Verschenken — selber machen) (рис. 1) (Никитина 2024, 110).

Гладкие плоские камни грунтуются, покрываются акриловой краской, на них наносятся разные слова как послылы доброго и красивого.

Такие камешки-послания берлинские школьники оставляли на дорогах во время локдауна 2021–2022 гг.

Рис. 1. Камни с посланиями (Никитина 2024, 110).

Fig. 1. Stouns with messages (Nikitina 2024, 110)

* Китайская народная мудрость, перефразированное высказывание Конфуция.

Пример 2. Использование техники минибукинг (рис. 2).

Подготовка макета книжки выполняется с помощью онлайн-конструктора, размещенного на платформе медиацентра цифровых образовательных технологий при Институте повышения квалификации педагогов, Швейцария (Pädagogische Hochschule FHNW... 2024). В заданный шаблон для минибукинга постранично вводятся текст или задания, загружаются картинки. Порядок размещения страниц генерирует сама программа. Заполненный макет из 8 страниц сохраняется в предлагаемом формате и распечатывается. Учащиеся собирают книжку по инструкции и выполняют задания.

Пример 3. Арт-практики оригами могут быть использованы в качестве валеологической паузы для развития мелкой моторики. Выполненный учащимися реквизит (солнечные очки, галстук, закладка и др.) используется как мотивирующий инструмент для спонтанного высказывания в ролевой игре: «Я вижу свои летние каникулы» / «Каникулы моей мечты» — для структурированной групповой дискуссии или «встречи в галстуках» по методу «Шести шляп» Эдварда де Боно, где каждый цвет галстука детерминирован разным режимом мышления — рациональным, стратегическим, креативным, эмоциональным, позитивным, критическим.

Пример 4. Визуальное искусство с лингвистическим комментарием — открытый конкурс фоторабот в разных номинациях**. Обучающиеся делают оригинальное фото и сопровождают его лаконичным текстом. Оценивание осуществляется по критериям: оригинальность фотосюжета и комментария; фотодизайн; соответствие текста фотосюжету; языковые умения.

Рис. 2. Складывание мини-книги в технике оригами (Никитина 2024, 114)

Fig. 2. The folding a paper minibook using the origami technique (Nikitina 2024, 114)

** Конкурс «Визуальное искусство с лингвистическим комментарием» проходил в рамках Интеллектуального турнира, организованного СПб АППО в 2024 г. при поддержке Комитета по образованию Санкт-Петербурга (Региональный интеллектуальный турнир... 2024)

Образец комментария к фотоработе (с сохранением орфографии автора):

The fridge in my kitchen is a small exhibition. You can see there Tolstoy, Durer, Chagall, Repin, the Great Leonardo. The magnets from all corners of the world remind me of my travels and whet my appetite for further impressions and emotions. Next to them are attributes of routine and technology — microwave, samovar and my favorite blue tea cup. Everything passes but the beauty remains.

[Холодильник на моей кухне — это мини-галерея. Здесь можно увидеть Толстого, Дюрера, Шагала, Репина, Великого Леонардо на магнетиках, приобретенных в разных уголках мира. Они напоминают о путешествиях и пробуждают аппетит к новым переживаниям и впечатлениям. А рядом обычная кухонная утварь и техника — микроволновка, самовар и любимая синяя кружка. Все проходит, а красота остается].

Пример 5. Писательская мастерская в рамках курсов повышения квалификации преподавателей «Интерпретация притчи».

“Building of cathedral” [‘Строительство храма’] (McCloskey, Thornton 2002, 15). What does this story mind? [‘В чем смысл притчи?’].

A consultant was sent to check on worker satisfaction at a construction site where a cathedral was being built. He walked up to one worker and asked what he was doing and if he was satisfied with his work. — Satisfied? I’m cutting blocks out of boulders with these simple, primitive tools. I’m sweating in the hot sun doing boring, backbreaking work. I’m miserable! The consultant went to another worker and asked him what he was doing and if he found satisfaction in his work.

— I’m shaping these blocks into forms and arranging them in the architect’s design. It’s slow and sometimes boring, but I make a living for my family. Things could be worse.

The consultant then went inside the structure, where an old woman was sweeping the floor, cleaning up after the construction crew. When asked, what she was doing.

— Can’t you see? I’m building a magnificent cathedral!

[Консультант получил задание опросить рабочих на строительной площадке, где возводился собор. Он подошел к первому рабочему и спросил, что тот делает и доволен ли он своей работой.

— Доволен? Я вырубаю блоки из валунов примитивными инструментами. Я изнываю от жары на солнце, выполняя скучную, изнурительную работу. Это ужасно!

Консультант подошел к другому рабочему и спросил его, чем он занимается и получает ли он удовлетворение от своей работы.

— Я придаю блокам форму и работаю по плану архитектора. Это медленно и иногда скучно,

но я зарабатываю на жизнь для своей семьи. Могло быть и хуже.

Затем консультант вошел внутрь сооружения, где старая женщина подметала пол, убирая мусор за строительной бригадой. Когда ее спросили, что она делает, она ответила:

— Разве вы не видите? Я строю величественный собор!].

Выборочные письменные ответы слушателей (с сохранением орфографии и стиля):

— After reading this story, I thought about my own work and purpose in life. Which worker am I? Am I the worker number 1, 2 or 3? Am I satisfied with my job? I wondered what I might be achieving when I teach. [Прочитав эту историю, я задумалась о своей работе и цели в жизни. Какой я работник? Номер 1, 2 или 3? Довольна ли я своей работой? Я подумала, чего я могу достичь, преподавая].

— This story is about three main characters working on the same place, doing the same job, but each one sees it differently. [Эта история о трех типах работников, выполняющих одну и ту же работу, но каждый из них видит ее по-своему].

— I enjoy my work and hope that my students benefit from it too. [Мне нравится моя работа, и я надеюсь, что мои ученики тоже извлекают из нее пользу].

— A good teacher has his own love of learning and inspires students with his passion for education and for the course material. [Хороший учитель любит учиться и вдохновляет учеников своей страстью к образованию и учебному материалу].

Пример 6. Workshop **Girl with a pearl earring** [‘Воркшоп «Девушка с жемчужной серьгой’]: поисково-исследовательский метод в рамках межкультурной коммуникации. На основе иллюстративного ряда и/или текстов, найденных в сети или сгенерированных нейросетями на тему известного произведения Яна Вермеера, учащиеся определяют соответствующие области знания и заполняют.

ART [‘Искусство/картина’]: D

LITERATURE [‘Литература/книга’]: A

CINEMA [‘Кино/фильм’]: C

HAND MADE WORK [‘Прикладное искусство/ручная работа’]: E

GRAFFITI [‘Граффити/стрит-арт’]: B

A. Tracy Chevalier had bought the poster *Girl with a Pearl Earring* as a nineteen-year-old and it hung wherever she lived for sixteen years. Chevalier noted that the “ambiguous look” on the girl’s face left a lasting impression on her. She began to think of “the story behind that look”, imagining it as directed at the painter. 1999 was written a historical novel by Tracy Chevalier.

C. *Girl with a Pearl Earring* is a 2003 drama film directed by Peter Webber from a screenplay by Olivia Hetreed, based on the 1999 novel of the same name by Tracy Chevalier.

D. *Girl with a Pearl Earring* (Dutch: *Meisje met de parel*) is an oil painting by Dutch Golden Age painter Johannes Vermeer, dated c. 1665. The work has been in the collection of the Mauritshuis in The Hague since 1902 and has been the subject of various literary and cinematic treatments (Wikipedia 2024).

E. *Girl with a Pearl Earring* one of the most popular subjects for needlework: embroidery, knitting and felting. Many women decorate their home or office with their works.

Программные конструкторы для генерации облаков слов ('wordclouds') позволяют ученикам рисовать словами, общаться картинками. На рисунке 3 представлено облако слов из задания метапредметной олимпиады для 9–11 классов (март 2024). Облака слов можно использовать для продуктивного высказывания, для актуализации слов, введения в тему урока, а также как пред/послетекстовый этап.

Учащимся предлагается прочитать рукописный текст литературного памятника Средневековья XII века — поэтическое послание о любви (mittelhochdeutsch), найденное в монастыре Тагернзее (Бавария) — и записать его в современной каллиграфии (рис. 4).

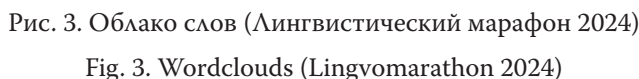
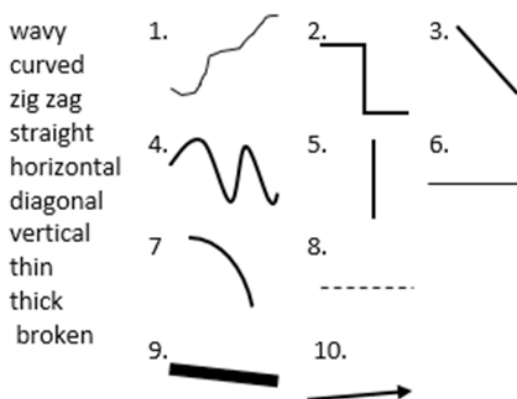

Fig. 4. Medieval text of the poem (Martens 1971, 25)

Пример 9. План-конспект урока «Искусство простых линий и красок».

1. Повторение цветов-красок. Понятия — теплые и холодные тона.

2. Введение лексики: виды линий.

3. Соотнесение линий с живописными полотнами (рис. 5 и 6).

4. Соотнесение описаний картин (А, В) с их изображениями на рисунках 5 и 6.

A. It's a Franz Marc's painting. We can see a great animal in the center of the picture. There are many different lines — almost wavy and curved. Only the plants have sharp lines. The most of the cool colors are blue, green and violet. They make us feel calm and feel the silence of the nature. The red color is a small warm point. We can associate it with the life and desire to live. My title (name) for this picture is ... The Bull. [Это произведение Франца Марка. В центре изображено крупное животное. Художник использует преимущественно волнистые и изогнутые линии — только растение написано резкими мазками. Холодная палитра красок

представлена голубыми, зелеными и сиреневыми оттенками, которые придают полотну спокойствие и передают покой ландшафта. На картине есть небольшое теплое пятно — красный цвет, с которым мы ассоциируем жизнь и желание жить. Я считаю, что речь идет о картине... БЕЛЫЙ БЫК].

B. The central motive of this painting is the colorful animal, surrounded by a bright jungle landscape. Franz Marc used warm colors, thick lines and cubic forms as an expressive elements. With this he shows a conflict — not a harmony. The composition demonstrates the dangerous anxious location, but it is yet well-balanced through the complementary colours of intense red and green colors, which are boldly placed right next to each other. This is a very dynamic composition with complementary colors and light. My title (name) for this picture is... THE TIGER. [На фоне яркого пейзажа джунглей изображено колоритное животное — это центральный мотив картины. Художник использует теплые тона, крупные линии и кубические формы как элементы выразительности и экспрессии. Этими средствами он выражает конфликт, а не гармонию. Композиция сюжета локализует опасность и тревогу, хотя все же сбалансирована за счет использования дополнительных красок — интенсивного красного и зеленого, смело расположенных художником рядом. Это очень динамичная, яркая и светлая композиция. Эта картина называется... ТИГР].

5. Найди и опиши кружки (1–4) с изображением картин известных художников: Василий Кандинский, Винсент ван Гог, Франц Марк, Густав Климт (Wassilij Kandinskij, Vincent van Gogh, Franz Marc, Gustav Klimt).

Рис. 5. Франц Марк. Белый бык, 1911. Музей Соломона Гуггенхайма, Нью-Йорк (Википедия 2024)

Fig. 5. Franz Marc. Der Stier (The Bull), 1911. Solomon R. Guggenheim Museum, New York (Википедия 2024)

Рис. 6. Франц Марк. Тигр, 1912. Галерея Ленбаххауз, Мюнхен (FranzMarc.org)

Fig. 6. Franz Marc. Der Tieger (The Tiger), 1912. Lenbach House Munich (FranzMarc.org 2024)

Рис. 7 Кружки с картинами известных художников (Кружки с картинами... 2024)

Fig. 7. Mugs with paintings by artists (Kruzhki s kartinami... 2024)

6. Подбери (придумай/нарисуй/опиши) художественную аппликацию для авторской кружки (футболки, шопера, стикера, др.).

It is my mug for breakfast/my....

I like it because ...

You can see ... lines

The cool/warm colors are ...

My name for it is ...

Выводы

Арт-педагогические и арт-цифровые практики создают уникальную познавательную метасреду и в полной мере реализуют интегриро-

ванный подход в обучении иностранным языкам, который реализуется через предметно-языковую интеграцию и межпредметные связи. Формирование предметных и метапредметных компетенций осуществляется в ранее не востребуемых типах учебной деятельности — в ситуации успешности и творчества. Целенаправленное использование арт-педагогических практик на уроке иностранного языка создает благоприятный фон для мотивированного обучения, развития и воспитания учащихся, способствует повышению качества иноязычного образования и интериоризации обучающимися освоенных языковых навыков и речевых умений.

Источники

- Кружки с картинами художников. (2024) *Яндекс Маркет*. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3DjAaD> (дата обращения 06.10.2024).
- Марк, Ф. (1911) *Der Stier* ("The Bull"). *Википедия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Marc-bull.jpg> (дата обращения 06.10.2024).
- Региональный интеллектуальный турнир «Лингвистический марафон» (иностранные языки). (2024). [Электронный ресурс]. URL: https://lingvomarathon.tilda.ws/old_tasks (дата обращения 06.10.2024).
- Marc, F. (1912) *The Tiger*. *FranzMarc.org*. [Online]. Available at: <https://www.franzmarc.org/Tiger.jsp> (accessed 06.10.2024).
- Vermeer, J. (1665) *Girl with a Pearl Earring*. *Wikipedia*. [Online]. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Girl_with_a_Pearl_Earring#cite_note-mhen-1 (accessed 06.10.2024).
- Webber, P. (2003) *Girl with a Pearl Earring*. *Watchseries*. [Online]. Available at: <https://ww5.watchseriesfree.co/movie/girl-with-a-pearl-earring-13126/> (accessed 06.10.2024).

Литература

- Ефимова, О. Г. (2023) Особенности становления современной цифровой экосреды лингвистического образования. *Иностранные языки в школе*, № 1, с. 90–96.
- Копытин, А. И. (2020) *Воспитательно-социализирующие технологии на основе арт-терапии и арт-педагогике*. СПб.: СПб АППО, 58 с.
- Лебедев, П. А. (ред.). (2001) *Кантерев. М.: ИД Шалвы Амонашвили*, 224 с.
- Мартенс, К. К. (1971) *Немецкая литература от средневековья до Гете и Шиллера*. 2-е изд. М.: Просвещение, 318 с.
- Никитина, Л. К. (2024) *Deutsch attraktiv. Увлекательный немецкий. Сборник аутентичных текстов с заданиями для учащихся 5–7 классов*. СПб.: Знание, 120 с.

- Перминова, Л. М. (2021) Дидактические основы конструирования интегрированного урока. *Педагогика*, т. 85, № 5, с.17–27.
- Сысоев, П. В., Завьялов, В. В. (2021) Методические принципы предметно-языкового интегрированного обучения. *Иностранные языки в школе*, № 5, с. 30–39.
- McCloskey, M. L., Thornton, B. (2002) A Dozen Stories and Fables for Teacher Development. *The Forum*, vol. 40, no. 4, pp.10–17.
- Pädagogische Hochschule FHNW. Institut Weiterbildung und Beratung Beratungsstelle für digitale Medien in Schule und Unterricht. (2024) [Online]. Available at: <https://www.minibooks.ch> (accessed 06.10.2024).

Sources

- Kruzhki s kartinami khudozhnikov [Mugs with paintings by artists]. (2024) *Yandex Market*. [Online] Available at: <https://clck.ru/3DjAaD> (accessed 06.10.2024). (In Russian)
- Marc, F. (1911) Der Stier ('The Bull'). *Wikipedia*. [Online]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Marc-bull.jpg> (accessed 06.10.2024). (In Russian)
- Marc, F. (1912) The Tiger. *FranzMarc.org*. [Online]. Available at: <https://www.franzmarc.org/Tiger.jsp> (accessed 06.10.2024). (In English)
- Regional'nyj intellektualnyj turnir "Lingvisticheskij marafon" (inostrannye yazyki) [Regional intellectual tournament "Linguistic Marathon" (foreign languages)]. (2024) [Online]. Available at: https://lingvomarathon.tilda.ws/old_tasks (accessed 06.10.2024). (In Russian)
- Vermeer, J. (1665) Girl with a Pearl Earring. *Wikipedia*. [Online]. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Girl_with_a_Pearl_Earring#cite_note-mhen-1 (accessed 06.10.2024). (In English)
- Webber, P. (2003) Girl with a Pearl Earring. *Watchseries*. [Online]. Available at: <https://ww5.watchseriesfree.co/movie/girl-with-a-pearl-earring-13126/> (accessed 06.10.2024). (In English)

References

- Efimova, O. G. (2023) Osobennosti stanovleniya sovremennoj tsifrovoj ekosredy lingvisticheskogo obrazovaniya [Features of the modern digital eco-environment in the linguistic education]. *Inostrannye yazyki v shkole — Foreign Languages at School*, no. 1, pp. 90–96. (In Russian)
- Kopytin, A. I. (2020) *Vospitatel'no-sotsializiruyushchie tekhnologii na osnove art-terapii i art-pedagogiki* [Educational and socializing technologies based on art therapy and art pedagogy]. Saint Petersburg: St. Petersburg Academy for Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky Publ., 58 p. (In Russian)
- Lebedev, P. A. (ed.). (2001) *Kapterev*. Moscow: Shalvy Amonashvili Publ., 224 p. (In Russian)
- Martens, K. K. (1971) *Nemetskaya literatura ot srednevekov'ya do Gete i Shillera* [German Literature from the Middle Ages to Goethe and Schiller]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie Publ., 318 p. (In Russian)
- McCloskey, M. L., Thornton, B. (2002) A Dozen Stories and Fables for Teacher Development. *The Forum*, vol. 40, no. 4, pp.10–17. (In English)
- Nikitina, L. K (2024) *Deutsch attraktiv. Uvlekatel'nyj nemetskij. Sbornik autentichnykh tekstov s zadaniyami dlya uchashchihsya 5–7 klassov* [Deutsch attraktiv. A collection of authentic texts with tasks for students in grades 5–7]. Saint Petersburg: Znanie Publ., 120 p. (In Russian)
- Pädagogische Hochschule FHNW. Institut Weiterbildung und Beratung. Beratungsstelle für digitale Medien in Schule und Unterricht [University of Teacher Education FHNW. Institute for Further Education and Consulting Advice center for digital media in schools and teaching]. (2024) [Online]. Available at: <https://www.minibooks.ch/> (accessed 06.10.2024). (In German)
- Perminova, L. M. (2021) Didakticheskie osnovy konstruirovaniya integrirovannogo uroka [Didactic foundation for designing an integrated lesson]. *Pedagogika*, vol. 85, no. 5, pp.17–27. (In Russian)
- Sysoev, P. V., Zavyalov, V. V. (2021) Metodicheskie printsipy predmetno-yazykovogo integrirovannogo obucheniya [Methodological principles of subject-language integrated learning]. *Inostrannye yazyki v shkole — Foreign Languages at School*, no. 5, pp. 30–39. (In Russian)